

Джованни Верга

**Весна
и другие рассказы**

Джованни Верга

Весна и другие рассказы

Перевод: Владимир Владимирович Косоногов

Перевод осуществлён по изданию: I grandi romanzi e tutte le novelle : i Malavoglia, Mastro don Gesualdo, Cavalleria rusticana e altre novelle, Racconti milanesi, Giochi d'amore e marionette parlanti / Giovanni Verga ; a cura di Concetta Greco Lanza. - Ed. integrale. - Roma : Newton, c1992. - 954 p.

Первое издание данного произведения: Giovanni Verga. Primavera e altri racconti. 1877

Художник: Владимир Михайлович Мордвинов

Авторские права защищены. Вы можете свободно распространять это произведение бесплатно. Запрещено использование данного произведения в целях получения прибыли, за исключением театральной постановки. При любом использовании данного произведения необходимо давать следующую ссылку:

Джованни Верга. Весна и другие рассказы. Ростов-на-Дону. 2013.

Safe Creative: 1306285337367

ОГЛАВЛЕНИЕ

<u>ВЕСНА</u>	4
<u>ХВОСТ ДЬЯВОЛА</u>	11
<u>ИКС</u>	20
<u>УБЕДИТЕЛЬНЫЕ ДОВОДЫ</u>	26
<u>СКАЗАНИЯ ЗАМКА ТРЕЦЦА</u>	34

Когда Паоло прибыл в Милан со своей музыкой на руках, солнце ослепляло каждый его день, и все женщины выглядели прекрасными. Тогда он встретил Принцессу: девушки-работницы местных лавочек наградили её таким званием за её милое личико и изящные руки, но главным образом, потому что она была очень надменной; и этим вечером, когда её подруги врывались в Галерею, как стая воробьёв, она предпочла пройтись совсем одна, с выпяченной грудью под белым шарфом к арке Гарибальди. Так они и встретились с Паоло, пока он бесцельно бродил, размышляя над музыкальными отрывками, юношескими грёзами и величием – тем величием, которое он чувствовал счастливыми вечерами, в котором так легко было подняться к облакам и звёздам, хоть и так мало весили его желудок и кошелёк. Ему нравилось следовать за весёлым призраком своего ума, этой милой девушкой, которая проворно шла впереди него, тянула вверх своё серое облачение, но была вынуждена опускаться на мостовую кончиками своих слегка грязных сапог. Так он видел её уже несколько раз, и, наконец, они подошли друг к другу совсем близко. Она взорвалась хохотом при первом же его слове, она смеялась каждый раз, когда встречала его, и всё время мешкала. Если бы она сделала первый шаг, он бы не смел желать большего. В конце концов, одним дождливым вечером – в такую погоду Паоло брал зонт – они прогуливались под руку по постепенно пустеющей улице. Она сказала ему, что её зовут Принцесса, потому что, как это часто случалось, её скромность скрывала её настоящее имя. Он проводил её домой, но только к месту в пятидесяти шагах от её двери. Она не хотела, чтобы кто-нибудь, тем более он, видел, в каком замке за тридцать лир в месяц жили родители Принцессы.

Прошло две или три недели. Паоло ждал в Галерее на улице Сильвио Пеллико, приютившись в своём жалком летнем пальто, которое на январском ветру приклеивалось к его ногам; она быстро приблизилась в муфте на красном от холода лице, обняла своей рукой его руку, и ради забавы они начали считать камни, плавно ступая на них. Было два или три градуса мороза.

Паоло часто говорил что-то быстро и мимоходом, девушка же просила его растолковать это на миланском наречии. Первый раз, когда она поднялась к нему в комнату, на четвёртый уровень, и услышала его игру на фортепиано – он исполнял свои сочинения, о которых он ей много говорил – она начала понимать, что парит уже в облаках, а пока она внимательно и слегка испуганно озиралась, почувствовала, как глаза становятся влажными, и нежно поцеловала его. Но это случилось уже намного позже.

У швеи, среди картонных коробок и груды цветов и лент, которые были разбросаны на большом рабочем столе, разговаривали вполголоса о новом воз-

любленном Принцессы, много смеялись над ним, дескать, пальто его было похоже на Божью милость, и он не дарил своей избраннице ничего из одежды. Принцесса притворялась, что ничего не замечает, лишь пожимала плечами и потихоньку шила, молча и гордо.

Бедный, но большой мастер, совсем ещё не опытный, он всё время говорил ей о будущей славе и обо всех других приятных вещах из сопровождения госпожи славы, и она не могла обвинить его в том, что он выдаёт себя за русского царевича или сицилийского барона. Однажды он хотел подарить ей кольцо, небольшое колечко из золота с половинкой искусственного жемчуга в оправе – шёл уже первый месяц их встреч – они покраснела, очень взволнованно поблагодарила и впервые, сильно сжала его руки. Но она не хотела принимать этот подарок: она догадывалась, какие неприятности может принести эта дешёвая безделушка из Верди, и если она принимала гораздо большее от другого, то без всякой щепетильности и благодарности. Поэтому, чтобы быть честной по отношению к своему возлюбленному, она была вынуждена пойти на большие траты, взяла заём у Кордузио, купила накидку за двадцать лир на улице Тичинезского моста и старые стеклянные побрякушки, которые продаются в Старой Галерее. Кто-то другой научил её вкусу и внушил необходимость быть изящной. Паоло этого не знал, также не знал, что она отяготила себя долгами. Он сказал ей:

– Какая же ты красивая!

Она наслаждалась, пока он говорил ей это, и была счастлива, что в первый раз была ничего не должна своему возлюбленному за свою красоту.

По воскресеньям, когда бывала хорошая погода, они гуляли возле таможенной ограды или вдоль укреплений, на Красивом острове или острове Ботта, на каком-то из островов они задыхались от пыли. В дни больших растрат, когда им пришлось платить по счетам, Принцесса сожалела о безумных растратах и почувствовала, как сжимается её сердце, и прислонилась локтями к окну, выходящему в сад. Он подошёл к ней, встал плечом к плечу, и там, куда были направлены их взоры, между листвой, заходило за арку Семпьоне солнце, они почувствовали грустную сладость. Когда шёл дождь, они находили другие приятные развлечения: ездили на конке от Новой арки до Тичинезской арки или от Тичинезской арки до арки Победы. Тратили тридцать сольдо и разъезжали два часа, как господа. Принцесса завивала кружева и присоединяла цветочные покрывала к латунным ножкам в течение шести дней, думая о воскресном празднике. Юноша же часто не обедал накануне воскресенья и на следующий за ним день.

Так прошли зима и лето. Они играли в любовь, как дети играют в войну или крестный ход. Она не соглашалась ни на что большее, и возлюбленный

чувствовал себя слишком скромным и бедным, чтобы осмеливаться просить нечто другое. Однако она любила его, часто плакала из-за этого другого, и всё же верила, что сможет взяться за ум. Она не подозревала, что после этого другого, она действительно полюбила Паоло, но она не бросится ему на руки, хотя это и был для неё единственная возможность в любви, о чём ей подсказывал её слабый инстинкт. Бедная девушка!

Пришёл октябрь. Ему передалась тяжёлая грусть осени, и он предложил ей поездку за город, на озеро. Они выбрали день, когда её отца не было дома, и убежали. Этот побег стоил им пятидесяти лир, они отправились в Комо на весь день. Когда они попали в гостиницу, хозяин спросил, собираются ли они уехать на поезде тем же вечером. В течение поездки Паоло спрашивал, что бы она делала, если бы была вынуждена остаться вне дома на всю ночь, и она смеясь ответила:

– Сказала бы, что провела всю ночь в лавке за срочной работой!

Теперь же юноша от смущения даже не посмотрел на неё и на хозяина и постеснялся сказать что-либо. Она опустила голову и сказала, что они останутся до завтра. Когда они остались одни, она взяла его за руку. Так она не разрешила ему вмешаться.

О, какие прекрасные дни! Они гуляли под руку среди цветущих каштанов, и не надо было прятаться, и не было видно красавиц в шёлковых одеждах, проезжающих в повозках, запряжённых четырьмя лошадьми, и изящных шляп молодых людей, красующихся с сигарой во рту! Воскресенья, по которым люди выходят кутить на свои пять лир, красивые вечера, когда они стоят в дверях перед тем, как расстаться, путают двадцать слов сразу, держат за руки путника, который уже спешит! Когда они уже начинали не верить в то, что должны с умным видом желать всем удачи. Время, когда они имели возможность не ощущать никакого беспокойства.

Паоло не говорил ей о другом, о существовании которого он догадывался, до определённого дня, когда Принцесса впервые укрывалась от дождя под зонтом. Он догадался по сотне пустяков, по сотне незначительных подробностей, по определённому поведению, по звуку определённых слов. Он был безумно любопытен. Она была до глубины души честной и во всём ему призналась. Паоло ничего не сказал. Он смотрел на занавески огромной гостиничной кровати, на которой чьи-то чужие руки оставили неприятные пятна.

Они знали, что этот праздник не сегодня-завтра должен когда-нибудь закончиться, они оба знали об этом и старались не думать об этом много. Может, потому что, впереди у них ещё много таких светлых праздников молодости. Ему, напротив, было очень легко от того признания, которое сделала девушка, почти избавила его сразу от щепетильности и предоставила ему самый лёгкий

миг для того, чтобы он сказал ей «прощай». В тот миг они оба думали, что это неизбежно, причём спокойно, с полным преждевременным смирением нехорошего ожидания. Но сейчас они ещё любили и обнимались. Когда этот день наступил, начался совсем другой сказ.

Бедолага нуждался в ботинках и деньгах. Его ботинки уже сильно износились, чтобы бежать за призраками своих высокохудожественных мечтаний и юношеских стремлений, - эти роковые призраки бродят во всех уголках Италии, потом меркнут и испаряются в блестящих кристаллах Галереи в холодные ночные часы или в мрачных сумерках. Убогое безумие его любви стоило очень дорого! Ему двадцать пять лет, а он не богат ни сердцем, ни умом, не имел права любить, хотя и была Принцесса, не имел права отводить взгляд, разве что на мгновение под страхом упасть в бездну из-за прекрасной обвораживающей мечты, обещающей достать до звёзд в будущем. Он должен идти вперёд, всегда вперёд, не сводя с этого маяка глаз, жадных и пристальных, с закрытым сердцем, с приглушённым слухом, с неутомимыми и непреклонными ногами, должен был терпеть всё это сердцем. Паоло заболел; никто ничего не знал о нём целых три дня, даже Принцесса.

Пошли унылые и долгие дни, он гулял по пыльным улицам, смотрел на витрины лавок драгоценностей, читал газеты, вывешенные на окнах газетных ларьков. В эти дни воды, текущие под мостом Флота, вызывали головокружение. Если посмотреть вверх, можно увидеть околдовывающий шпиль купола. Вечером, когда он ждал на улице Сильвио Пеллико, стало чересчур холодно, часы длились невероятно медленно, но стройной и изящной походки Принцессы всё не было.

В это время на него свалилась огромная удача, четыре тысячи лир в год, он начал играть на пианино в кофейне и для американского ансамбля. Он принял это с большой радостью, теперь у него было право выбора. Потом он подумал о Принцессе. Он пригласил её на ужин в особо отведённый кабинет Биффи, как разнузданный богач. Он взял задаток в сто лир и потратил большую часть. Бедная девушка с вытаращенными глазами смотрела на бал в Сарданаполо, потом в кофейне, с тяжёлой головой она прислонилась к стене и присела на диван. Она была бледная и немного грустная, но, как и всегда очень красива. Паоло часто целовал её в шею, ближе к затылку, она позволяла ему это и смотрела на него ошеломлёнными глазами, словно в предчувствии беды. Он чувствовал, как его сердце сжимается тисками, и чтобы дать ей понять, что он любит её, спросил, чтобы они делали, если бы их не было видно. Принцесса сидела, молча, отвернув голову в тень, глаза её были закрыты, она не двигалась, чтобы скрыть слёзы, большие и блестящие, которые всё бежали и бежали по щекам. Когда юноша заметил это, он сильно удивился: впервые он видел её плачущей.

– Что с тобой? – спросил он.

Она не ответила. Или ответила задыхающимся голосом, что ничего. Она всегда так говорила, очень сжато, с гордостью ребёнка.

– Думаешь о другом? – спросил Паоло впервые.

– Да! – кивнула она. – Да. – И была права. Тотчас же она разрыдалась сильнее.

Другой! Она хотела сказать раньше. Она хотела сказать об этом в солнечные весёлые дни, весну молодости, что эта страсть, жалкая, обречённая, влачащая нелепое существование от Паоло к другому, она не плача сильно, будучи весёлой, хотела сказать сейчас, что уходит, но этот юноша уже стал частью её сердца и её плоти и станет чужим через месяц, год или два.

Паоло в это время, мучительно обдумывал одни и те же мысли и не имел мужества открыть рот. Только крепко-крепко обнял её и тоже начал плакать. А потом они начали смеяться.

– Ты бросаешь меня? – запинаясь, промолвила она.

– Кто сказал это тебе?

– Никто, я знаю, я догадываюсь. Уезжаешь?

Он опустил голову. Она подняла на мгновение полные слёз глаза, затем отвернулась в сторону и тихо плакала.

Теперь же, когда она сама себя не чувствовала, она начала бредить и рассказала ему всё, что она скрывала от него по застенчивости и большой любви. Сказала ему, что встречалась с другим. В её доме всё было небогато, по правде говоря, папа имел небольшую должность в управлении железной дороги, а мать вышивала, но очень давно, на её взгляд, ослабела, и тогда Принцесса пошла работать в пошивочную лавочку, чтобы немного помочь семье.

Туда, где она видела красивые вещи, где ей говорили красивые слова, где образцы, тщеславие, лёгкость. Её подруги и ещё тот юноша, который всегда был рядом. Она не поняла, когда поступила плохо, но чувствовала, что нужно скрывать это от родителей – папа был порядочным человеком, мама святой женщиной, они бы умерли от горя, если бы заподозрили её в чём-то, им не представлялось возможным подвергать дочку такому искушению. Вся вина была на ней, или наоборот не её? Но чья тогда? Конечно, она не хотела, чтобы об этом знал другой, теперь об этом знает её Паоло. И когда Паоло покинет её, она не хотела бы, чтобы об этом узнал кто-то ещё.

Она говорила тихо, в полудрёме, прислонив свою голову к его плечу.

Когда они вышли от Биффи, они медленно побрели по дороге, заново ступив на свой крестный путь в те места, которые хранили их такие дорогие и грустные воспоминания: угол, где они встретились впервые, мостовая, на которой они остановились и перекинулись первыми словами.

– Вот! – они кричали. – Это здесь!

– Нет, это дальше!

Они бродили до умопомрачения и разошлись.

– До завтра.

На следующий день Паоло собирал чемодан, а Принцесса стояла на коленях перед старым разваливающимся сундуком и помогала собирать ему кое-какие вещи, книги, нотные тетради, в которых она написала каракулями своё имя. А эту одежду она видела перед собой так много раз! Одна вещь за другой, всё это сжимало ей сердце, видеть, как они исчезают от неё. Паоло подавал ей одну за другой вещи, которые он брал из комода или шкафа, она смотрела на них некоторое время, разворачивала так и эдак, потом возвращала на место, не делая складок в носках и платках; они не говорили особо, делали вид, что спешат. Она отложила в сторону старый календарь, на котором Паоло имел обыкновение делать пометки.

– Ты оставишь его мне? – спросила она. Он подал ей одобряющий знак, не повернувшись.

Когда сундук наполнился, какие-то вещи ещё оставались тут и там, на стуле висело старое пальто.

– Об этой вещи я подумаю завтра, – сказал Паоло.

Девушка надавила на крышку коленом, пока он застёгивал ремень. Потом они начали собирать покрывало и зонтик, которые он оставил на кровати, и сел на стул край в задумчивости. Стены стали голыми и грустными. В комнате остался ещё большой ящик, Паоло подошёл, обыскал его отделения и собрал вещи в большой мешок.

Вечером они пошли гулять последний раз. Она робко сжимала его руку, словно возлюбленный постепенно становился чужим для неё. Они зашли к Фоссати, как во времена веселья, но вскоре ушли и почти не развеселились. Юноша подумал, что все эти люди вернутся сюда ещё много раз и застанут здесь Принцессу. Они, бывало, заказывали пиво в Форо Бонапарте, Паоло любил эту большую площадь, по которой ходил много раз летними вечерами под руку со своей Принцессой.

Вдали он слышал музыку из кофейни Ньюкки, и они видели зажжённые круглые окна Театра даль Верме. Отрезок за отрезком, тёмная улица кишела светом, людьми, кофейнями и пивными. Звёзды, казалось, дрожали в глубокой и густой лазури; здесь и там, во мраке улиц, среди тополей сверкали газовые точки. Впереди шли две тёмные и молчаливые тени. Паоло подумал:

– Вот и последний вечер!

Они присели в толпе с плохо освещённой стороны, повернувшись плечами к спинке, за ними в старых нефтяных бочках росли вялые кустарники, она

сорвала два листика и протянула их Паоло. В другой раз они бы начали смеяться. Подошёл слепой, бренчащий на гитаре. Паоло протянул ему все находившиеся в кармане монеты.

Они подошли к станции в последний раз, в миг расставания, в этот горький час прощания, такого спешного, рассеянного, безо всякой скромности, откровенности и поэзии в давке, безучастии и шуме уезжающей толпы. Принцесса пошла с Паоло в тень к багажному отделению и кассе за билетами, прошла с ним, не открывая рот, со своим маленьким зонтиком в руке, она была бледна как полотно. Он, напротив, выглядел очень деловито, но немного беспорядочным. В этот миг в зал ожидания вошёл служащий и потребовал билеты, Паоло показал свой, бедная девушка – нет. Они спешно пожимали руки перед всем миром, люди толкались, спеша войти, проверяющий отмечал входящих.

Она стояла рядом с выходом, со своим зонтиком в руках, как будто ждала кого-то, смотрела в разные стороны, на объявления, висящие на стенах, на отъезжающих, которые подходили к билетной кассе в зале ожидания. Она сопровождала их ошеломлённым взглядом в зал, потом возвращалась и смотрела на приезжающих.

Наконец, через десять минут мучительного ожидания она услышала звуки колокола и гудки поезда. Девушка сильно сжала в руках свой зонтик и медленно-медленно побрела, слегка пошатываясь, к выходу и присела на каменную скамью.

– Прощай! Ты, который уходишь, которым жило моё сердце. Прощай, ты, бывший до него. Прощай, ты, будущий после него. Прощай, ты, который придёшь так же, как пришёл он. Прощай!

Бедная девушка!

А ты бедный великий артист пивных, будешь волочить свои оковы, будешь носить лучшую одежду, есть целыми днями, будешь пьянеть от своих грёз в смраде сигарет и джина в далёких странах, где тебя никто не знает и никто не пожелает тебе добра, будешь забывать Принцессу, ради других принцесс там вдали, где ты соберёшь много денег в кофейнях, которые отобьют всю тоску, вспоминая то последнее прощание в унылом зале ожидания. А потом, когда вернёшься, уже не молодым, не бедным, не глупым, не пылким, не изящным, каким был тогда, и случайно встретишься с Принцессой, не говори ей, о том прекрасном прошлом, о том смехе, о тех слезах, потому что она уже располнеет, не будет одеваться в долг у Кордузио, и уже не поймёт тебя. А это порою куда грустнее.

ХВОСТ ДЬЯВОЛА

Этот рассказ предназначенся тем, кто ходит, загнув руки за спину, считая камни, тем, кто придирается ко всем мелочам и ищет причины всех человеческих поступков, тем, кто протягивает одну руку разуму, а другую нелепости, а также тем, кто поднял бы хлопковый бантик на своём ночном колпаке, проснувшись от кошмарного сновидения, тем, кто безнаказанно бросился бы в бегство во время мартовских ид, спиритуалистам, игрокам в лотерею, влюблённым и новеллистам, всем тем, кто рассматривает в микроскоп крючки, за которые потом тащит один факт за другим, когда засовывает руку в корзину жизни, химикам и алхимикам, которые тратят 5000 лет, чтобы найти ту точку, в которой мечта, наконец, перейдёт в действительность, чтобы разложить самую простую сущность истины на мельчайшие единицы Ваших мыслей, Ваших убеждений, Ваших чувств, изучая ту Вашу часть, которая ночью бодрствует, пока другая спит, их действия и противодействия. Люди подделывают истину, они способны на то, чтобы говорить Вам спокойно, что Вы спите еще, когда солнце Вам кажется радостным, или дождь Вам кажется грустным, или когда Вы верите, что прогуливаетесь под руку с женой, что ещё хуже. Наконец, рассказ предназначенся людям, которые не позволили бы Вам открыть рот, когда Вы собираетесь сказать глупость, ничего не уточняя, этот рассказ смог бы проверить и объяснить много вещей, которые нарочно остаются неясными, потому что каждый находит в них именно то, что ищет.

Сейчас я расскажу историю, участники которой, все без исключения, могут быть предметом невежливого любопытства, так как эти три участника – в нашей истории три участника, как в любой совершенной истории, Вы уже догадались о ролях всех трёх, ведь у вас много опыта в этих делах – он в Каире или где-то поблизости, руководит какими-то железнодорожными делами, она умерла, (бедняжка!) и третий тоже умер, преобразился, теперь у него прекрасная жена, но он ничего не помнит, не узнаёт себя в зеркале спустя десять лет, он не настырный шершень, который жужжит подле своей жены, которая тыкает его носом прямо в зеркало, и они сравнивают его с тем, который был настырным и увивался за ней, подобно мухе на носу. В общем три участника, вполне удобных, не имеющих никакого значения, почти несуществующих – можете представить, что они и не существовали никогда.

Он и тот другой были хорошими и славными ребятами, родственные души, друзья с детства, Орест и Пилад железной дороги. Один был инженером, а другой чертёжником, жили они в одном доме и ходили всегда вместе, за что и получили прозвище «сиамские близнецы». Они виделись каждый день на рабо-

те с девяти утра до пяти вечера. Но невозможно объяснить, как первый из них познакомился с Линой, начал ухаживать за ней, женился на ней – это была единственная ошибка за тридцать лет, которую Дамон совершил по отношению к Финтию.

Но, в конце концов, этот поступок был не таким уж и ошибочным. Финтий-Донати поначалу сохранял неприятные ужимки, глядя на своего Дамона-Корси, но вообще-то, такие ужимки он сохранял лишь неделю. Лина была такой девушкой, которая бы сильно привязалась и к медведю, но Донати не был медведем, она знала, что ревность может разоружать, своей сладкой улыбкой и изящным и ласковым поведением она сохраняла всю близость друзей подобно ветки плюща и не лезла к ним с топором.

Через несколько месяцев, значит, друзей стало уже трое, а не двое, и всё изменилось. Донати знал, что иметь сестру – это нечто большее, чем иметь брата, Корси же знал это ещё лучше него. Обо всём том, что вы себе представили, и том, что случилось на самом деле, никто и из них не мог даже подозревать – иначе история, которую я рассказываю вам, не оказалась бы такой странной.

Что ещё более странно, так это то, что так продолжалось восемь лет, и могло бы продолжаться ещё неопределенно долго. Сначала в проявлениях дружбы, большого уважения, которые Донати и Лина чувствовали друг к другу, появилась лёгкая помеха, возможно, причина страха того, что их могут неправильно понять; потом привычка, честность их сердец, чистота их чувств, сделали их более несдержанными, более откровенными, и более доверительными. Донати помогал Лине в затянувшейся тяжелой болезни, как истинный брат смог бы сделать это, и она стала брать на себя все заботы, все спешности почти брата своего мужа, как сестра.

Близость двух маленьких семей стала настолько сердечной, настолько искренней, открытой настежь, что их друзья, знакомые и весь мир не считали её ни слишком большой, ни слишком маленькой. Настолько редкая, нужно отметить, насколько была редкой честность их душ; но если бы в одной из них было немного больше хорошего, мне не было бы нужно присовокуплять сюда рок древних, или хвост современного дьявола.

Вечером, после обеда, все трое отправлялись на прогулку. Донати давал руку Лине, и чванился, когда читал в глазах прохожих: “какая красивая женщина!” В воскресенье они обедали вместе, и брали билеты в ложу в Городской или в Альфьери. Донати немного боялся неожиданностей; неожиданностей, которые можно предсказать по календарю, на Рождество, на Пасху, и на именины Лины. Он приходил с беспечным видом, который проявлялся во вздутых, как мешки, карманах, и потирал руки, видя, как улыбается Лина. По вечерам, зимой, они собирались в гостиной, около столика; болтали; перелистывали жур-

налы, новые романы, разгадывали шарады, Лина играла на пианино. У Донати было восхитительное терпение, чтобы выслушивать подробные пересказы всех романов, которые читала Лина – это был её единственный порок. Он имел способность тонко прислушиваться, делать изумлённое или вопрошающее лицо, ёрзать от волнения на стуле, превращать зевание в восклицание, в то время как бедный дьявол начинал засыпать, или плохо понимал, или же просто и спокойно, как и всегда, даже не показывая виду, что его волнуют те рассказы, которые должны восхищать остальных.

Часто, идя в свою спальню, он находил свежие цветы на письменном столе, новый коврик возле дивана, какую-нибудь изящную вещицу, красиво выставленную на скромной мебели. Радостный смешок, который приходил из глубины души, умеренно выглядывал на том спокойном лице у порядочного человека, и отражался во всех тех безмолвных вещичках; тогда и сейчас в знак благодарности, он делал два или три удара по полу. Лина долго старалась подыскать ему жену; он отвечал неизменно:

– Боже сохрани! Нам хорошо и так. Нам не нужен дьявол дома.

Бедняга был так убежден, что принадлежит этому семейству, был настолько доволен тем спокойным существованием, что подумал бы, что подверг огню квартиру, если бы сделал один лишь шаг не по образцу, к которому начал привыкать, которым управлялись все его поступки безукоризненного служащего. Своим друзьям, которые советовали ему обзавестись семьёй, он отвечал:

– У меня есть одна, и мне достаточно.

И друзья не смеялись. Лина, напротив, говорила, что не достаточно; она думала, что в самые зрелые годы, в нездоровье, в старость своего друга, она смогла бы стать ему матерью.

Иногда перед тем, как закрыть окно, она прислушивалась ко всему, что происходило в спальне на верхнем уровне, поднимала глаза к потолку и бормотала:

– Бедный юноша!

Уединение такой унылой жизни, бесцветной, однообразной, в возрасте страстей и удовольствий, придавало некоторую особенность этому спокойному и скромному нраву, приукрашивало строгий образ одинокого мужчины, возносило лишения, делало этого человека миловидным, проникало как мучения посреди её счастья, настолько полного, настолько совершенного; это заставляло её задуматься, с чувством сладости о защите, братском чувстве и поддержке, которую она могла ему оказывать.

А вы ищите зацепку!

В Катании пост проходит без карнавала; зато есть праздник Святой Агаты – большой костюмированный бал, на котором весь город становится театром, в

котором и у господж, и у простых женщин есть право маскироваться, под предлогом запутать друзей и знакомых, и бродить везде, где они хотят, как они хотят, с кем они хотят при том, что у мужа нет права высовывать нос на улицу. Это называется право нтуппатеда, обычай, который, что бы ни говорили об этом историки, должно быть, был заимствован у сарацин; он позволяет узнать цену женщин, находящихся в гареме. Костюм состоит из изящного и сурового, по возможности черного, закрытого костюма, почти целиком покрывающего всё тело, но оставляющего открытым только один глаз, чтобы она видела вас, сбивала вас с толку, творила чёрт знает что. Единственное кокетство, которое позволяет костюм, – кончик перчатки, кончик сапога, кончик юбки или вышитого платка, кончик ещё каких-то вещей, которыми нужно набивать цену, таким образом, чтобы можно было догадываться обо всём остальном. С четырех до восьми или до девяти вечера нтуппатеда – сама себе хозяйка (что имеет у нас некоторую стоимость), она хозяйка дороги, всех встреч, Вас, если Вы с ней встретитесь, Вашего кошелька и Вашей головы, если она у Вас есть. Она – хозяйка, она оторвёт Вас от руки друга, чтобы Вы бросили на произвол судьбы жену или возлюбленную, заставит Вас выйти из повозки, заставит Вас прервать свои дела, чтобы выпить с ней кофе, будет звать Вас, если Вы в окне, чтобы вести Вас за нос с одного конца города в другой конец, среди печальных и пустых, но в глубине очень живых, людей, которые ненавистно боятся показаться смешными. Она будет наступать на ноги в толпе, будет вынуждать Вас покупать ей что-то. Ради того единственного глаза, который Вы можете различить, Вы будете выполнять все причуды, покупать всё то, что Вы оставили бы с удовольствием у торговца, у Вас будет трещать голова и болеть ноги. Нтуппатеда тоньше, хрупче, они неутомимые. Они сделают Вас ревнивым, сделают Вас влюбленными, сделают Вас глупым, и когда Вы будете совершенно измождённым и вялым, они бросят Вас на обочине улицы, или в двери кофейни, с тяжелой улыбкой и сердцем, полным сострадания, и с вопросительным любопытным и досадным взглядом. По правде говоря, есть всегда кто-то, кто лишён всего этого; но есть небольшое число избранных, и потому Вы всегда в этот день чувствуете во всём теле любопытное ожидание. И хотя девять раз из десяти Вы были мужем женщины, которая тащила Вас за руку в течение четырех или пяти часов, всё же тайна нтуппатеда священна. Станный обычай в стране, славящейся самыми преданными христианству мужами! Правда, этот обычай постепенно уходит.

И вот однажды, за три или четыре дня до праздника, Лина, как всегда шутливо говоря о нтуппатедах, сказала Донати:

– Вы знаете, на этот раз, я не советую Вам выходить на дорогу.

Донатти знал, что Лина никогда не переодевалась в нтуппатеда, и потому что она была его единственной подругой, от которой он мог ожидать шутку, он ответил, пожимая плечами:

– После того, как мне не льстили восемь лет!..

– Льстить Вам или не льстить! Предупреждённый человек – спасенный человек.

Но Донатти не пытался быть спасенным, наоборот, он искал этой опасности, не давая повода усомниться в святых словах. Это было бы праздником, великолепным случаем сделать красивый подарок Лине. Он притворится, что не узнал ее, чтобы взять вверх над ней и запутать ее вместо того, чтобы поддаваться такому запутыванию, наслаждаться тем, что привёл её в замешательство, прикидываться дурачком, и смеяться с удовольствием вместе с нею. Он весь день воображал наверху, в то время как на службе он вытягивал прямые и кривые черточки, вспоминая уроки прошлого, изучая колкости и ответы, создавая запас духа в отдохнувшем уме. Он представлял себе, как эта красивая женщина снизу ведёт его под руку, а он может притвориться, что не знает её, встречаться только с нею, гулять с ней в толпе, быть хотя бы на час её единственным защитником; неизвестный, новый человек, он будет иметь какую-то тайну, и задирает нос от большой удачи.

Теперь вот хвост дьявола, тот счастливый хвост, развлекается тем, что переворачивает вверх дном все самые светлые надежды, он мостит ад ими, проникает между соединениями их, открывая изнанку лучших чувств, показывая другую сторону самых честных действий и событий, и даёт понять, что у них, похоже, есть и менее неопределённые причины.

В ночь, которая предшествовала дню праздника, Донатти, видел плохой сон; но настолько живой, настолько странный, настолько удивительный, в сопровождении такой правды обстоятельств, что, когда он проснулся, осталась красивая неопределенная подробность и неясность, был ли этот сон плохим или нет. Он так и не сомкнул глаз до самого утра. Ему снилось, что он находится рядом с Линой, Лина кажется ему совсем незнакомой, одета как нтуппатеда, её глаза черны и блестящи, голос и руки дрожат от волнения, они сидят за столом кофейни «Сицилия», куда он обычно не ходил никогда, они были неподвижными, молчаливыми, оглядывались. Неожиданно её покрытие соскользнуло со спины, она смотрела на это неистовыми глазами, красная, какой он не видел её никогда, и когда их лица сблизилась, она подарила ему горячий и лихорадочный поцелуй.

Бедный Донатти подпрыгнул на кровати на целую пядь, проснулся с сильным сердцебиением, и пять минут протирает себе глаза, всё ещё ошеломлённый.

Мало-помалу он успокоился, начал смеяться над собой, и больше об этом не думал.

День спустя он бездельничал; притворился, что не заметил несколько хитрых улыбок Лины, её суетливый вид, необычно часто уходил и возвращался. Он сказал, что проведёт вечер на работе, над срочным заказом, и собрался поджидать у Читальни.

Он долго ждал, в конце концов, к пяти, Лина показалась у Четырёх Углов, немного смущенная в соответствующей накидке, но смущенная весьма утончённо, подошла прямо туда, где он её ждал, будто она знала, пробиралась в толпе, сразу же продела свою руку под его руку. Донати сразу же узнал её. Она, остроумная и болтливая, остерегалась ошеломить его своей трескотнёй, пыталась изобрести тысячу шуток, чтобы его запутать, смущала его своим английским и французским, которые она знала по училищу, представила себя чужеземной госпожой, девушкой, у которой было право выцарапать ему глаза, подругой, которая переделалась, чтобы спасти его от большой опасности, далекой родственницей, которая вспомнила его и пришла к нему, чтобы просить в подарок золотую цепочку. Донати притворялся, что падает, если насмехался над ней сквозь усы, он наслаждался этим по-простому, развлекался тем, что запутывал её, в свою очередь, давая ей предположить, что он угадал её тайну, позволяя ей выдумать сто случаев на каких-то сказочных основаниях, которых не было. Наконец, когда она показалась ему более любопытной, когда исчезли искры нового чувства удивления и застенчивости перед совсем другим человеком, в глазах вдруг что-то, взорвалось, они начали смеяться, и он с шутливой добротой сказал ей:

– Дорогая Лина, если Вы хотели разоблачить мою тайну и преступить грань правды, царапающей глаза, Вы не должны были надевать этот браслет, который на самом деле меня царапает – я его хорошо знаю!

Лина начала смеяться, подняла немного покрывало и сказала:

– Молодец! Вы выиграли! Так как мы перед кофейней «Сицилия», угостите меня шербетом.

И они вошли.

Странность случая! Они сели за тем же самым столом, который Донати видел во сне, лицом к лицу, как во сне. Лине было жарко, и она обмахивалась платком; её накидка соскользнула с плеч, она облокотилась локтём на столик. Донати смотрел на неё, не открывая рта.

Несколько минут Донати мешкал; он отвечал бессвязно, невпопад, и в конце концов слова начали умирать во рту. Лина болтала за двоих, немного красная от жары, с пылкими как во сне глазами под маской. В конце концов,

Донатти настолько сильно затревожился, не владея собой, что очередной его ответ был намного глупее других. Она спросила:

– Что с Вами?

Он покраснел. Действительно, что с ним? Какая нелепость! Наверно, этот сон прошлой ночью сделал его таким глупым на весь день! И он пожимал плечами и простодушно смеялся над собой

– Вот! – он ответил. – Я осёл! Пустяк! И если бы я скрыл это от Вас, я был бы глупее вдвойне, вот!

И он рассказал ей сон, который воспроизвел шаг за шагом, кроме обстоятельства, о котором он умолчал, разумеется, скорее по нравственным соображениям, зато сказал ей, что она во сне призналась ему в любви. Ни больше, ни меньше!

Донатти продолжал смеяться, смеялся от всего сердца, вспоминая во всех подробностях странности ночи, которые становились всё более нелепыми; он смеялся из-за странного впечатления, которое повторялось при некоторых обстоятельствах сна. Она сначала покраснела; она это слушала в молчании, с рукой на подбородке, не смотря на него больше, не смеясь больше. Когда он закончил, он бросил бледную улыбку, чтобы не оставить это без ответа – не нашел ничего лучше, и поднялся. Они ушли быстро, говоря невпопад, каждый раз с трудом подбирая слова..

Донатти не был точно уверен в том, хорошо ли всё шло или же он сделал глупость, но он чувствовал, что он отдал бы своё месячное жалованье только бы ни с кем ни о чём не разговаривать. Праздник закончился очень тихо и безо всякого веселья.

Каждый год, на следующий день после праздника, три друга обычно собирались пообедать на природе. На этот раз Лина была расстроена, и ничего не вышло. Донатти хотел любой ценой, чтобы в этот день всё было, как во все предыдущие года, потому что не мог управиться с тем сном и тем старым разговором. Он хотел бы просто сесть на большой валун, наблюдать за тем, что всегда происходило между ними, и не думать ни о чём другом. Вечер они провели, как обычно, в семье. Лина немного опоздала, лицо её было лицом женщины, страдающей головной болью, но она была беспечна и спокойна. Донатти спросил её, как она себя чувствует. Она опустила голову, глаза её казались двумя гвоздями. Она ответила сухо:

– Хорошо.

Это был их первый холодный вечер. С тех пор было много подобных вечеров. Лина шила, Донатти занимался музыкой или читал, а Корси умудрялся создавать разговор из каких-то обрывков высказываний, жена отвечала односложными словами, держа глаза на работе, а Донатти отвечал неясным хрюкань-

ем, не отрываясь от книги или сигары; даже Корси, радостный по природе и несдержанный, становился молчаливым и тоскующим и чувствовал себя угрюмо в доме, где всё замёрзло. Они прощались рано, Лина только подавала руку; часто они лишь желали друг другу хорошей ночи.

Бедный Донати не мог успокоиться. Он чувствовал себя виноватым, но ещё большая вина его была в том, что он преувеличивал зло, которое совершил; с видом преступника он призывал к помощи всех святых для того, чтобы они дали ему мужество поймать при удобном случае Лину сглазу на глаз и сказать ей:

– Ну, что же, наконец, что с Вами? В чем дело? Что я сделал?

Но эти самые простые вопросы стали вдруг самыми трудными на этом свете. Её новое поведение, её сдержанность, её необычная холодность, сделали её совсем другой женщиной, женщиной, которая закрывала его речь для самых красноречивых заключительных слов, сковывала ему язык и движения.

В один из таких вечеров, поворачиваясь, он внезапно посмотрел Лине прямо в глаза, смотревшие на него таким выражением, которое взбудоражило ему кровь с ног до головы; это был взгляд, который он никогда не видел, глубокий, полный горечи, необычного, острого и резкого любопытства. Лина воспламенилась и склонила голову; а он не отважился ещё раз повернуться к этим дьявольским глазам.

В конце концов, однажды, когда Корси не было дома, ему вдруг показалось, что его накрывает волна мужества, которого ему так недоставало. Лина, погруженная в мысли о том, что она читала, не дышала некоторое время; он поднялся, сделал шаг по направлению ней, и залепетал:

– Лина!

Она поднялась, напуганная этим единственным словом, бледная как лоскут ткани и сильно задрожала. Донати остался с разинутым ртом и не сумел подойти к ней. Несколько мгновений они так и стояли. Она двинулась первой; взяла вышивание, которое у неё было рядом, но руки её ещё так дрожали, что игла покалывала ткань. Он злился внутри себя на то, что был настолько вялым.

– Что с Вами? – сказал он наконец. – Вы злитесь на меня? Вы не простите меня никогда?

Женщина испуганно подняла голову и в ужасе посмотрела на него. Затем снова склонила голову, запнулась и нечётко пробормотала какие-то непонятные слова.

Мало-помалу Донати уменьшал свои посещения. С Корси он выказывал себя всё более холодным. Когда два старых друга находились вместе, они испытывали, необъяснимое затруднение. Холодность обоих распространялась и росла от одного до другого. Корси догадался о новом поведении жены и друга,

или Лина всё рассказала. Потом Донати пришел к ней на именины и застал её одну дома. Лина собралась с силами и всё-таки подавила удивление. А Донати не сумел добиться, чего хотел, даже не нашёл первых слов для речи.

Она сидела на диване, очень торжественно, что породило у её гостя желание отойти к окну. Встреча длилась десять минут. Бывший Полидевк спустился по лестнице и бормотал с голосом, задушенным в горле:

– Конец! Конец!

С тех пор у него не осталось больше мужества стучать в ту дверь. Он печально приходил домой, так поздно, как мог, смотря тайно на то освещенное окно, которое напоминало ему о прошлых радостных вечерах около огня, с душой и согретыми ногами, и ускорял шаг на лестничной площадке. Никогда его скромные комнатки ему не казались более бесшумными, более холодными, и большим грустными; теперь бедолаге-отшельнику стало совсем не по себе. Теперь он был снаружи, как Корси, и узнал совсем другую Лину.

Когда пришёл сентябрь, Корси переехал даже не попрощавшись с ним, и они больше не виделись. Лина тяжело заболела: Донати это узнал намного позже. Ему сказали, что болезнь много изменила; он много думал об этом, часто имел перед глазами тот тонкий и бледный образ, и те лихорадочные глаза, как глубокая рана, как угрызение совести; но он бы никогда не представил себе выражение, которое появилось на её лице и её тайный взгляд, когда идя со своей невестой, он наткнулся на Лину. Она повернулась и посмотрела на него украдкой, посмотрела, как смотрят на уродов или преступников.

Между тем прошел год, и неожиданно начался праздник Святой Агаты. Донати готовился вступить в брак. Он ждал в толпе одну нтуппатеда, которая пообещала ему, что подаст ему знак перед тем, как неожиданно схватит его за руку. Он бросил быстрый взгляд на ряженую женщину, но его невеста была немного ниже, и её глаз не был таким блестяще чёрным. Он почувствовал, что сердце его начало сжиматься; он не знал, что говорить, поддался ей и пошёл в кофейню.

Его подруга нашла удаленный столик и села к нему лицом; она казалась усталой и взволнованной. Ему показалось, что она тревожится.

– Лина! – воскликнул он, наконец.

– Ах! – сказала она со смехом, который означал многое, и опустила лоб в капюшоне на руку.

Донати бормотал какую-то бессмыслицу.

– Вы удивлены видеть меня здесь? – спросила Лина после долгого молчания.

– Вас?

– Вы удивлены?

Донати наклонил голову. Покрывало соскользнуло с её головы, и она пробормотала:

– Смотрите!

– Мой Бог! – воскликнул Донати.

– Я вызываю сострадание? О, ничего! Это не Ваша вина, нет!.. У меня было всегда слабое здоровье. Будь спокойны... Я не хотела бы отравлять Ваш медовый месяц.

– О, то, что Вы говорите!.. Если б Вы знали... Если б Вы знали, сколько я перенёс!..

– Вы?

– Да!.. И сколько я каялся!..

– Ах! Вы раскаялись!

– Я не умею успокаиваться!.. Не могу понять, почему... что случилось...

– А Вы не знаете?

– Нет, Господи Боже!

– Так вышло... я любила Вас.

– Вы! Вы!

Она становилась ещё более бледной; поднялась, сделала импульсивное движение, и сказала ему глухим голосом:

– Зачем Вы же тогда рассказали мне тот сон?

ИКС

Роковое увлечение к тому неизвестному, что кроится в человеческом сердце, и обнаруживается как в больших сердцах, так и в малых, в жажде учёности и любопытстве малышей, является главнейшей чертой любви, я бы сказал, основной её привлекательностью, привлекательностью грустной, чреватой тоской и слезами – которыми печальное знание иссушает сердце раньше времени. Такая любовь, значит, может вдохновлять на шедевры, наполнять смыслом жизнь в заключении или в больнице, при этом даже не имея условий для существования, главное, чтобы даже на полпути к своему концу она была благородной или совсем скромной, во-вторых, лишь бы она не стала последней на лестнице чувств? А разум по своей брэнности прекратил бы своё существование более трогательно? Этот ужасный растворитель, который присутствует в сытости или в браке, который бы зависел от безумного удовлетворения рискованной любознательности? Большая вина взрослого мальчика была бы безрассудной жадностью желания, которое роется в нём с лаской и поцелуями, скрытого ме-

ханизма игрушечной женщины, так было вчера, когда её сердце дрожало в груди, как лепесток?

Последний бал в Ла Скале, в этом вихре неистового веселья, я встретил ряженую женщину, чьё лицо я не мог видеть, чьего имени я не знал, которую я больше никогда бы вновь и не встретил, чьё сердце забилося, когда наши с ней глаза встретились, с которой мы провели бессонную ночь, чью улыбку я видел всё время перед глазами, а в ушах у меня оставался шорох атласа её одеянья.

Она прислонилась к плечу прекрасного юноши, она была окружена высоким слоем общества, ей льстили, за ней ухаживали, носили её на руках, она была ловкой, тонкой, достаточно худенькой, на её плечах были две изящные ямки, изящные руки, розоватый подбородок, чёрные блестящие глаза, шея цвета слоновой кости, немного тонкая и длинная, придавала ей какой-то неведомый оттенок, на ней буйствовали непокорные кудри, её улыбка была обворожительной, она была одета в белое, с гофрированной лентой розового цвета на капюшоне, гладила ковёр полрой платья, как это делает королева своей мантией. Несмотря на то, что она скрывала своё лицо небольшим куском чёрного атласа, лицо это было полно любопытства, которым блестели её глаза, по которому можно было распознать всю красоту этой женщины, именно это и возвышало её на общественной лестнице. Она выказала наивность, изящество, скромность девушки из пансиона, посреди мужчин она не попадала под опасность даже без маски.

Она сидела, повернув плечи в зал рядом со своим юношей и разговаривала с ним, как разговаривают все влюблённые женщины, пожирая его глазами, заставляя представлять смутную красноту под её маской и обворожительные улыбки, положила свою руку ему на плечо, играла с ним своим веером, делала вид, что обещает что-то с ласковой и нежной настойчивостью.

Я бы многое отдал, чтобы быть на месте этого юноши, который казался так наивно польщённым её выбором, я хотел бы догадаться обо всём, что не мог тогда слышать, обо всём, что бушевало в её сердце, хотел бы проникнуть под шёлк её маски; неизвестность этого лица, этой личности, этой интриги, разворачивающейся в духоте Ла Скалы были тысячью приманок для наблюдателя. Моё к ней расположение и любопытство должны были пронзить её как электрический ток, поэтому она поворачивалась два или три раза, смотря своими черными глазками, затем встала, подала руку своему юноше и удалилась.

Мне показалось, что от такого праздничного веселья может нагряться необъяснимая хмурость, которой мне не хватало, я искал её с жадным желанием увидеть вновь, такую незнакомую, но уже мою.

Ближе к вечеру встречались всё новые и новые лица возле двери, а она выбежала из залы и снова вошла. Мы оставались неподвижными, вглядываясь

друг в друга пристально и долго, как двое знакомцев, как будто я, после того, как увидел её три или четыре раза за вечер немного изменился в её глазах, сердце моё забилося, должно быть, её сердце тоже, казалось, мы впитывали друг друга глазами, я наслаждался её улыбкой, её губы были чуть приоткрыты: она на самом деле мне улыбалась – струя хорошего настроения и симпатии, которая говорила: «Я знаю, что ты мне нравишься, а я нравлюсь тебе!» Это нежная речь, самый сладостный язык в мире не смогли бы воспроизвести красноречивость её улыбки; самый крупный мыслитель или самый легкомысленный человек на свете не смог бы проанализировать, какое чувство неожиданно взорвалось в её взгляд. Два человека, встретившиеся в толпе, как два путника, следующие в противоположных направлениях случайно встретились на станции, она, возможно, даже уже любившая и он, видевший её руку возле его плеча. Два или три раза она оборачивалась, удерживая свою улыбку, я следовал за ней, не зная ещё, что нахожусь внутри преходящей мечты. В толпе она скрылась от моего взгляда, безнадежно я искал её в передней, в проходах, в кофейне, в партере, у Канетты, в ложах, с которых я мог бы всё обозреть.

У меня началась странная лихорадка желания, я начал пожирать глазами все белые одежды, все волнистые изящные одеяния. Вдруг она увидела меня где-то впереди, случайно встретила взгляд, который искала. Я подал руку женщине, которую искал весь вечер. Во взгляде незнакомки был немой вопрос; она улыбалась мне снова, я не мог сделать ничего другого, как поклониться ей, когда она проходила мимо; она живо обернулась, бросила взгляд в упор и сказала:

– Прощайте!

Не забуду никогда этот голос и этот выговор!

Больше я её не видел. Оставалось переваривать свою обиду и болтовню моей подруги. Видел всю ночь, не смыкая глаз, то лицо, которое так и не узнал, чувствовал бороздку, оставленную в сердце тем взглядом; невозможность разыскать её придавало незнакомке обаяние необыкновенности, в её улыбке я мог отыскать поэму о любви, которая заслуживает сочувствие, подобно обломанному навсегда цветку. Навсегда! Не то ли это слово, которое более всего будоражит человеческую душу? Я продлевал этот сон весь день. Казалось, что-то новое происходит во мне, как причастие невосполнимых потерь. Когда же моё воображение утомлялось от блуждания по необъятности голубой мечты, естественным ответом моего разума было то, что я в изумлении посмотрел в своё сердце и спросил самого себя, был ли я влюблён в тот чёрный атлас, который прятал лицо незнакомки.

Взгляд этой тайны заставил содрогнуться моё сердце, пока я подавал руку другой женщине, которая влюблялась, как сумасшедшая, и которая в тот миг представляла для меня большую опасность. Я проклинал навязчивость того

чувства, которое мешало мне просто побежать навстречу незнакомке со всем самолюбием, которое присутствует в любовном чувстве.

Два или три дня я томительно искал свою возлюбленную и чувствовал, что если увижу её вновь, то это лишит меня какой-то её части. Я увидел её вновь в галерее, распознал её взгляд и её улыбку, которые говорили мне: «Это я, узнаёшь меня?». Я почувствовал какую-то роковую откровенность по отношению к ней и двадцать раз собирался взять её под руку перед всеми людьми, которые её сопровождали.

На площади Скалы она два или три раза обернулась, чтобы посмотреть, следуя ли я за ней. Смутная неопределённость, бурная радость и лихорадочное желание любить двадцатилетнего наводняли моё сердце разом: колыхания её одежды казались мне настолько нежными; её белое пальтишко и платок, который при холоде держался на её лице, производили великолепное излучение. Я не мог повторить то чувство, которое испытывал при мысли, что могу подать ей руку или могу дотронуться до края её платка. Мигом она пересекла улицу со своей подругой и последовала родителям на кончиках ног; платок всё приподнимался над её одеждой в мою сторону. Она посмотрела мне в лицо, словно ожидала чего-то от меня. Я почувствовал резкую боль и отвернул плечи.

Она посмотрела несколько раз, и глаза её спрашивали:

– Что с тобой?

А я не посмел ответить:

– Ты мне больше не нравишься.

Она утомилась просить мои взоры, и когда встретила меня, отвернула голову. Вечером, под портиком Скалы, я почувствовал, как чья-то рука схватила мою руку и оставила в ней малюсенькую записочку. Я быстро оглянулся: но не увидел лица незнакомки, и немного позже моя тайна удалилась, не посмотрев на меня, хотя она могла пройти ещё немного, хотя могла отдалить от меня безразличный взгляд, каждый раз, когда встречала меня, мои мысли стремились к ней, я не сомневался ни на минуту, в это же самое время какое-то странное противоречие ославляла безумием моё предчувствие.

Единственное слово наполняло записку: «Преследуй». Кого? Где? Зачем? Такие вопросы придавали огненные краски такому простому слову. Загадка, которую она в себе несла, лишь усложнялась, с безысходной логикой, незнакомка снова сделала всё туманным и необъяснимо привлекательным, посмотрела в мою сторону под газовым фонарём, и молниеносно исчезла. Подозрение в том, что я могу быть обманутым, взвалило на меня тысячи раздражений. Казалось, она и не замечает меня – но я за ней следовал. Когда дверь её дома захлопнулась перед моим носом, я встал посреди дороги, не имея даже сил идти, ноги в снегу, все окна улицы смотрели на меня, мимо проходили городовые. К

двум ночи уже не было ни сомнений, ни усталости. Я услышал, как тихо открывается дверь и увидел в тени свода белый образ. Она вздрогнула, как лист, когда я дотронулся до её руки, казалось, что у неё жар; она сказала сдавленным волнующимся голосом:

– Что с вами? Что вы тут делаете? Скажите мне – будто мы знакомы целых десять лет.

Такие ситуации, такие слова, такие оттенки голоса совершенно понятны и выразительны, неопровержимы; девушка, которую я встретил на балу среди мужчин, которые несли на руках Кора Пёрл, положила мне на шею свои руки в тени на лестнице и предоставила такое очевидное, с откровенной чистотой, доказательство своего расположения: странное чувство, которое я не мог объяснить, и причину которого не смел требовать. В её уверенности была такая невинность, что я хотел бы украсть её серьги, чтобы научить её не доверять людям. Я почувствовал, как между моими скромными руками и её скромными руками и её тихими словами, она слегка коснулась моего лица; это было что-то похожее на поцелуй. Такие необъяснимые чувства полагаются на какой-то существенный материал; вся прелесть этого райского часа заключается в темноте лестницы, мне казалось, что призраки мысли наполняют тело и сжимают руки:

– Ты понравился мне, хоть и не видел моего лица, – сказала она мне. – Вот потому я тебя люблю. – И не спросила даже, как меня зовут.

Она пообещала, что я вернусь и увижу её следующей ночью. Увы! Безрассудное обещание, которое приуменьшает масштабы желания до жалких размеров обычных свиданий. Мы должны были изобрести все препятствия, которых не хватало нашему счастью, иначе мы бы не встретились больше никогда. Следующей ночью я явился к ней в мучительных чувствах, будто что-то потерял. Увидел её в её гостиной, блистающую красотой, и сердце моё наполнилось радостью, как будто первые ощущения беды были очень приятными, жадно разглядывал этот изящный образ, краснеющий передо мной, и вот посреди праздника сердца вдруг почувствовал, как проникает в него некая тревога – мой идеал испарился; всё то, что так очаровывало меня в этой красоте, существовало лишь в моих снах; этот образ оказался обеднённым, сжатым рамками действительности.

– Что с тобой? – сказала она мне.

– Ничего, – ответил я. – Здесь слишком светло.

Бедная девушка уменьшила свет в лампе. Она не догадалась о моём смущении и не боялась той пагубной алчности, с которой мои глаза пожирали её. Она говорила, улыбаясь, весело, как влюблённая птичка, поющая на ветке; она рассказала мне свою историю, одну из тех историй, которые выслушивает с улыбкой ангел-хранитель. Она влюблена в двоюродного брата, с которым ви-

делась на маскараде, она прибыла с тёткой из Лечо из-за него, а двоюродный брат, после трёх дней сомнений превосходно втолковал ей, что больше не любит её. Потом, после первых слёз, она думала о том незнакомце, которого она видела на балу в Скале.

– Я прочитала по твоим глазам, что нравлюсь тебе, – сказала она. – А я улыбалась тебе, потому что ты делал меня лёгкой и весёлой; и в этот миг я почувствовала сильную боль в сердце. Если бы мой двоюродный брат последовал за мной, чтобы любить меня, я бы не сказала тебе этого никогда, но я бы хотела тогда для тебя всего лучшего, как для брата. Теперь же мой двоюродный брат и знать меня не желает вовсе... ладно, тогда я хочу любить того, кто мне нравится!

Она кашлянула несколько раз, щёки её побагровели, глаза стали влажными.

– Не говори мне, что женишься на мне, если хочешь бросить меня, как и он... Я такая больная!

– Прощай! – сказал я ей.

– Ты вернёшься завтра? Моя тётя уезжает к моим двоюродным сёстрам, не бойся; ты придёшь?

– Прощай.

Больше я её не видел. Я думал, что меня ждёт нечто скромное и тихое впереди, вера или воодушевление той любви, которую я уже не разделю. И чувствовал, что это равноценно тому, как если бы я непростительно потерял сокровище.

В ноябре я получил письмо в траурной кайме; эти были те же буквы, которыми было написано «Преследуй»; руки мои тряслись перед тем, как открыть его:

«Если вы хотите повторить прощание, возьмите личину с последнего бала в Скале, приходите на кладбище в течение недели и ищите крест, на котором написано “Икс”».

Такое письмо заставляет случайно поверить в рок, было потеряно на почте и доставлено мне с несколькими днями опоздания. Я помчался в тот дом, который больше не видел; издалека заметил, что ставни были заколочены, сердце моё сжалось от скорби. Я побежал на кладбище, не в силах поверить в печальное предзнаменование письма; на первой улице, по которой я пошёл, словно судьба поручилась вести мои ноги, на первой же взрыхлённой земле, с железным крестом, я прочитал тот самый знак, который она пожелала на свою могилу, грустный иероглиф её любви; и там, на коленях в пыли, я, казалось, смотрел в необъятный мрак, полный силуэтами моей незнакомки, её улыбками, звуками

её голоса, словами, которые она произносила, местами, где я видывал её. Мне стало очень холодно.

УБЕДИТЕЛЬНЫЕ ДОВОДЫ

Это случай и спустя годы всё ещё проскальзывает в разговорах в гостинице «Россия» в Неаполе, в которой любили останавливаться три или четыре гостя уже много лет с начала ноября до конца мая, смотря друг на друга с сигарами в зубах, упёршись локтями на столик.

За этим же столом встретились некто Ассанти, человек изящный и умный, и госпожа Даль Колле, женщина изящная и умная, немного заигрывающая, привередливая и чудаковатая, о которой шли некоторые слухи, весьма занятные, но навряд ли достоверные. Она приезжала в определённое время, как ласточка, из Баден-Бадена, Вены или Парижа. Между кушающими возникла сильная, но скрытая нелюбовь, которая, впрочем, не мешала им, людям хорошо воспитанным, и временами они обменивались любезностями. Вечером, после кофе, Ассанти направляясь в комнату для курения с тремя или четырьмя друзьями, которые говорили о своей соседке, обосновывал свою неприязнь с великолепным чувством смешного, и все смеялись. И вдруг он замолк словно очарованный – госпожа Даль Колле заходила в зал, собираясь подойти к пианино, как уже делала несколько раз.

– Она всё слышала!

– Она не могла слышать! – шептались между собой мужчины.

И только виновник не был озабочен этим. Он пожал плечами и, смеясь, сказал:

– Сейчас мы увидим, услышала ли она.

Синьора просматривала нотные записи, и не поворачивала голову. Ассанти подошёл к ней, превосходно поклонился и спросил:

– Простите, Вы слышали, что мы о Вас говорили?

Она уставилась на него своими большими, то ли невинными, то ли предательскими глазами и ответила очень непринуждённо:

– Простите, почему Вы спрашиваете?

– Потому что мы поспорили, сыграете Вы сегодня или нет.

Женщина улыбнулась, опустила голову и начала играть «Прекрасную Елену».

– Господа, – сказал Ассанти, поворачиваясь к своим друзьям, которые помрачнели и заскучали. – Вы проиграли.

Действительно, казалось невозможным, чтобы эта женщина оставалась такой уравновешенной после того, что она услышала в комнате для курения;

удивительная вещь, ради некоторой новизны из чувства долга быть вежливым. Ассанти разговаривал с Даль Колле о музыке и ещё о чём-то, он заметил про себя, что наконец-то сошлись в чём-то собака и кошка, причём до такой степени, что беседа стала затягиваться, и друзья, один за другим, стали потихоньку уходить.

– Ничего она не услышала! – подумал Ассанти.

И вот, когда они остались одни и неожиданно изменили поведение, Даль Колле спросила, всматриваясь ему в глаза своими дьявольскими глазами:

– Вы довольны, что выиграли спор, мой господин враг?

Он наклонился, отважно выжидая натиска.

– Почему мы начали войну? – уже другим голосом порицала она.

– Потому что она пугает меня.

– Ох! Ох! Какая полнота вежливости! Если так, мой дорогой господин, когда мне придёт в голову отомстить за себя, я Вам же и поручу это. Но, честно говоря, разве не лучше, чтобы мы шли рука об руку с самого начала?

– Давайте мириться.

– Но уже поздно.

– Почему?

– Почему, почему... – сказала она, поднимаясь. – Во-первых, потому что я теперь ненавижу Вас, ну а потом, я уезжаю через две или три недели.

– Я уеду с Вами.

– Куда?

– Куда и Вы!

– Но я не знаю, куда я поеду, и Вы не знаете. Враги, значит.

Ассанти, смеясь, поклонился ей, но должен был согласиться, что его утончённая неприятельница могла иметь все недостатки, кроме одного.

На следующий день, одеваясь для того, чтобы пойти на обед, он обнаружил на столике маленькую записку, написанную неизвестной рукой.

«Приходите в номер 11 в полночь. Не стучите».

Он засмеялся и сказал самому себе:

– Нет сомнений, она всё слышала, а ловушка слишком простая для такой умной женщины! Как жаль!

Госпожа Даль Колле не пришла к столу. Ассанти улыбался сквозь усы и смотрел куда-то в пустоту. Потом он пошел в театр, даже не думая о ней.

Когда закончилась опера, он провёл полчаса в кофейне «Европа», а когда вернулся в гостиницу, газовый свет уже выключили. Идя по проходу, перед знаменитым одиннадцатым номером, он опять вспомнил записку, что была у него в кармане, непроизвольно он замедлил шаг.

Он постоял возле окна, выкурил одну сигару, полистал журнал и отправился в кровать. Кровать казалась твёрдой и необыкновенно противной в ту ночь; было жарко, Ассанти поворачивался с бока на бок, так и не сомкнув глаз.

Две тонкие строчки, которые были спрятаны в сумке на столе у изголовья кровати, выскользнули из свёртка, удлинились как каракули, извивались по стенам, накручивались на перекладины балдахина над кроватью, направились к выходу, промелькнули в тёмном проходе, оставляя на коврике светящиеся полосы.

Он потушил свет, опять зажёл его, перечитал записку на этот раз уже без смеха, потому что запах надушенной бумаги вскружил ему голову, он потушил свет снова, чтобы заснуть, но стало ещё хуже; сквозь темноту открытыми глазами он видел необычные сны, видел приоткрытую дверь одиннадцатого номера, белый образ, выдвинувший вперёд в пустоту голову, и эта женщина, до которой он не смел бы пальцем дотронуться наутро, на этот раз подошла к нему с другим видом и вмиг с обворожительным видом шутливо улыбнулась. В его венах бешено застучала кровь. Наконец, он стал похож на сноходящего, почти потерял сознание, тронул рукой дверную ручку, но ушёл, поспешно пробираясь в темноте, стыдясь своего нелепого искушения, которому он с такой необъяснимой лёгкостью подвергся, будто его неприятельница могла увидеть его и насмеяться над этим. Всю ночь он плохо спал и поднялся в дурном настроении.

Во время обеда, он нашёл Даль Колле на её обычном месте, весёлую и непринуждённую, будто бы ничего не произошло, заигрывающую даже больше, чем обычно. Она не поприветствовала его, словно совсем не заметила его, потом внезапно бросила ему в упор какой-то издевательский взгляд, будто бы муха сидела у него на носу. Он поднялся к себе, чтобы применить принуждение и дать едкий намёк, но зря ждал весь вечер в гостиной, где Даль Колле имела обыкновение исполнять музыку. Постепенно эта обида, эта холодная кровь, эта твёрдость и нахальство, подчинили его и сделали совсем бешеным.

Очевидно, она выиграла своим простейшим розыгрышем, она была намного сильнее его; она поняла, что достаточно пустяка, дурной шутки, чтобы возбудить каждую его жилу шипом, господствовать над ним, растревожить его, взволновать его своими нехитрыми причудами.

После того, как Даль Колле удовлетворилась этой маленькой женской местью, казалось, она больше не думает об Ассанти и не будет больше ухаживать за бароном Чириани, от которого она ушла к дону Джованни, бахвалу и дуэлянту; теперь Ассанти казалось, что Даль Колле перестанет заискивать, хвастаться на его глазах, ему всё это уже надоело.

Хитрая, точно знала, как завоевать доверие, на какие клавиши мужской грубости нажимать, что делать с самыми осторожными в этом мире людьми.

Было достаточно отдалённой лести, самой глупой, самой невероятной, ибо Ассанти постепенно возомнил себя, Бог знает, чем, и подумал, что успехи, достигнутые Чириани, могут быть им сворованы, а её игривость может нанести ему вред, как и случилось. Этот блестящий юноша уменьшался в своём глуповатом облике, насколько это было возможно; она даже стала замечать, что он преувеличивает свою досаду или раздражение, как ни назови это, он совсем сбился с толку; потому она в свою очередь начала против Чириани другие военные действия, даже более скрытые, подстрекающие. Нужны были самые малые женские хитрости, чтобы предотвратить серьёзные неприятности.

Наконец, казалось бы, она устала от борьбы, которую вела с Ассанти ежедневно; смотря в пустоту окна, она сказала ему:

– Ну же, мой прекрасный враг, в какую игру мы играем? По какому праву Вы каждый раз пристраиваетесь между мной и Чириани?

– По какому праву Вы задаёте мне этот вопрос? – возразил Ассанти.

– Давайте говорить открыто. Вы делаете меня немного обязанной за Вашу любовь, я добилась своей цели за полцены. Я не виню Вас за то, что Вы приняли мою записку всерьёз, я лишь отдаю должное Вашей живости, впрочем, ни один бы школьник не провалился здесь, а Вы провалились, позорно, вспылчиво, привередничая, и этого мне уже достаточно. Теперь мы в расчёте, оставьте меня в покое, мой дорогой; Чириани не будет вмешиваться.

– Но это же притянута за уши!

– Рискованное предприятие! Вы знаете, как дуэлянт он имеет дурную славу.

– Ну что ж! – воскликнул Ассанти, немного покраснев. – Если бы я бросил вызов этой чести, Вы бы простили меня?

– Случай с запиской? За кого Вы меня принимаете, дорогой господин, заставляя меня подтасовывать карты?

– Не смейтесь так, честное слово! Я здесь, перед Вами, доведённый до красноты из-за того, что я сказал и сделал по отношению к Вам; это звучит нелепо, Вам уже надоело.

– Нелепо, почему?

– Потому, что я люблю Вас.

– С каких это пор?

– С тех пор, как я стал думать о Вас.

– С тех пор, как Вы стали досаждать мне?

– Не важно, любовь это или обида, важно, что дальше так продолжаться не может, Вы начали с того, что околдовали меня, а закончили тем, что свели меня с ума.

– Да ну!

Ассанти некоторое время молчал, смотря в резкое улыбающееся лицо Даль Колле; затем засмеялся, сменив голос и манеры, а потом неожиданно стал степенным.

– Итак, нужно сделать что-то, так как Вы вызываете доверие тем, что Вы говорите. Вы должны подстрекнуть Чириани, чтобы выставить меня совершенно нелепым.

– Остерегайтесь! – сказала она уже без смеха. – Я ненавижу ссоры, ни Вы, ни он меня больше не увидите!

Госпожа Даль Колле начала собираться к отъезду; Ассанти пришёл справиться о ней на следующий день.

– Уезжаете? – спросил он у неё.

– Да, убегаю. Вы довольны? Давайте мириться, пока я не уехала.

– Нет, мы поступим лучше: скажите, куда Вы направляетесь? Мы теперь не просто случайные знакомые, мы враги; мы оба свободны, мы хозяева сами себе; мы блуждаем по свету, дабы убежать от скуки. Мы встретимся на всех станциях, будем обижаться, воевать, ненавидеть друг друга, у нас даже не будет времени надоесть друг другу.

– Нет, нет! Есть же опасность влюбиться, Вы не берёте в расчёт это?

– Даже у Вас?

– Да, мне кажется, да, после того, что Вы наговорили вчера вечером.

– Если так, на худой конец!..

– Ох, не говорите, я говорю серьёзно, Вы же знаете, что я свободна.

– В таком случае, на откровенность отвечу откровенностью... Закройте глаза и ждите эту опасность.

– Я подумаю...

– ...Я подумала, – сказала она на следующий день, за пару дней до своего отъезда, не предупредив его о нём. – Нет, было бы намного хуже, это была бы беда, ошибка. Ещё много сложных дел, а двое влюблённых каждый день смеются друг другу в лицо! Дни бы тянулись за днями, а чудес становилось бы всё меньше... Но ведь чудо действительно нужно! Что-то очень важное! Отважный поступок, большие дела и большое безумие! Чтобы предотвратить такую опасность... Но я никогда не сделаю ничего для всего этого, и Вы не сделаете, да я и не хочу, чтобы Вы делали это, значит... враги!

– Кто Вам сказал, что я не буду делать этого?

– Да? Мне казалось, что я живу совершенно честно!.. Ну что ж, теперь!.. Прощайте!

На следующий день, он не увидел её ни за столиком в беседке, ни в другом месте. Ассанти узнал, что она уехала; Чириани уехал тоже.

Это известие заставило его кровь кипеть в жилах, будто он получил пощёчину. Каждое слово, каждую улыбку, каждый оттенок её голоса, в их последней беседе, он находил в своей памяти как укол ненависти, ревности и даже любви. В этот миг, когда она уже уехала с другим, эта женщина была чертовски нужна ему, со всем тем, что составляло её сущность, что она говорила ему наедине. Теперь этот самоотверженец гостиниц, мелочный и суетливый, почувствовал, что способен на какие-то отважные свойства, будто он на подмо-стках, а она пообещала ему награду.

Он хотел бы подраться с десятком чириани; хотел бы пробежать околоток от избытка чувств на кончиках своих блестящих сапог, держа её на руках; хотел бы преодолеть пропасть в половину лье, чтобы спасти её, даже не порвав свои брюки от Леннон. Он почувствовал, как им овладевает лихорадка. И отправился по её следу, собрал все деньги, путешествовал днями и ночами, по железной дороге, в повозках и на лошадях, в ужасную непогоду, почти в диком одиночестве он бежал за ней в Фоджу, теперь уже ущербный, не боясь в любой миг попасть в лапы разбойников, бродящих в этих краях.

Наконец, в Ариано, появились первые известия о Даль Колле: она путешествует в повозке в сопровождении прислуги; нет никаких подозрений на Чириани. Ещё не стемнело, за одну или две остановки до Бовино, хозяин и возница отговорили его ехать дальше, так как местность была опустошена разбойниками. За спиной его находился дьявол. Она была в опасности, он и не думал о другом. В эту ночь он достиг-таки неподалёку от Бовино две повозки, на которых она путешествовала, остановился перед старым сельским домом, который имел места для лошадей. Светильник, висевший у двери, был разбит невидимой рукой, дверь была распахнута, стойло пустовало.

Возницы кричали и шумели, но никто не появился. Ассанти издали закричал, но никто не вышел. Один из возниц испугался преследования разбойников, выстрелил в Ассанти в спину, но не попал.

– Остановитесь, – произнёс Ассанти. – Остановитесь, ради Бога! Или погибнете.

В окне одной из повозок, сквозь стекла, на котором мерцал свет светильников, он разглядел немного бледное лицо Даль Колле. Она узнала Ассанти, несмотря на эту сумятицу и свой испуг и закричала возницам нервным голосом:

– Вперёд! Вперёд! Двести лир чаевых!

– Впереди разбойники! – закричал юноша сам не свой.

В этот миг, хоть и не было никого видно, она услышала голос, который казалось шёл с горы, которая возвышалась по левую сторону от дороги.

– Остановитесь всем! Или во имя Богородицы Вы умрёте!

Возница нанёс лошадям хлёсткий удар поводьями, и они задвигали лапами, согнулись в спинах, чтобы броситься бежать; но прежде, чем они сделали первые шаги, раздался шум ружья, и левая лошадь упала, запутавшись в упряжи; возница спрыгнул с лавки и бросился бежать во тьму, вторая повозка, в которой сидели слуги Даль Колле, развернулась и уехала сломя голову. Всё это произошло так быстро, что никто не успел ничего сказать. Ассанти подбежал к окну повозки, схватил женщину за пояс, будто ребёнка, толкнул её в хлев, закрыл дверь, и нагромоздил перед ней всё, что только было возможно. После этой суматохи наступила тишина, тяжёлая и загадочная; нападающие, прежде чем спуститься на дорогу, хотели оценить сопротивление, которое было оказано.

Даль Колле уткнулась в угол, не произнося ни слова, а Ассанти повернулся к выходу, сжав кулаки в ожидании. Когда они привыкли к темноте, благодаря тусклому свету светильника повозки, который просачивался через щель плохо забитой двери, они заметили в глубине хлева у сеновала приставную лестницу, которая вела к лазу. Было слышно, как на дороге кто-то возился вокруг повозки, оставшейся возле лачуги. Ассанти поднял свою приятельницу на второй уровень, и притянул за собой лестницу. Снаружи было ещё тихо, и постепенно лошадь вернулась на ноги, звеня бубенцами на шее.

– Вы выпустите всю обойму Вашего ружья мне в голову, если я упаду ещё живая на эти руки. – Таковы были первые слова женщины, её голос стал кротким и лихорадочным.

– Да! – ответил Ассанти таким же голосом.

Он подбежал к окну, никого не было видно; повозка так же стояла возле двери, описывая небольшой круг света своими светильниками; лошадь любопытно обнюхивала свою упавшую напарницу. Внезапно они услышали ещё один выстрел ружья, и перемычка окна под нажимом пальцев Ассанти свалилась в развалины. Даль Колле резко отдернула его назад. Впервые их взгляды встретились в этот вечер. Она была бледна, как призрак, но глаза её сияли.

Неожиданно дверь стойла толкнули настолько сильным движением, что показалось, что она развалилась. Ассанти подбежал к окну и выстрелил; послышался крик, за ним последовал выстрел в его сторону. Ассанти спрятался, посмотрел на дверь стойла и выстрелил ещё раз. Разбойники, увидев, что выстрелы следуют и сверху и снизу, подумали, что они имеют дело с несколькими людьми и, решив сохранить дорогие жизни, бросили это занятие на полпути, что было более разумно и безопаснее. Перестрелка окончилась, как по волшебству.

Снаружи всё ещё кто-то шумел, как и сначала, и осаждённые не могли развернуться: на улице был слышен звон бубенчиков лошади, которая двига-

лась по дороге, секунду ещё шумел грохот удара в хлев, будто повозка была использована в качестве барана. Ассанти вздрогнул от неизбежности новой и незнакомой опасности, сердце сильно колотилось.

– Кто бы подумал, что чудо, о котором я Вам говорила, произойдёт так скоро! – сказала Даль Колле со странной улыбкой. Он взял её за руку, и она не отдёргнула её.

В этот миг красное свечение разлилось, как адское явление, возле двери на чёрных стенах стояла. Молодой человек забыл обо всех неприятностях, которых он так боялся, подбежал к окну, распахнул его, пламя обуяло повозку и вход в стойло и теперь хорошо освещало сеновал.

– Что теперь будем делать? – спросила женщина, нервно сжимая его руку.

– Подожжём дом! – ответил невнятным голосом Ассанти.

– Вы обещали мне, что мы умрём вместе! – сказала она после минуты молчания.

Над окном брусья потолка начали потрескивать, и пламя показалось у досок, его языки слегка касались стен, обрезали выходы, и они начали задыхаться. Женщина посмотрела на Ассанти необычным взглядом.

– Вы потеряны для меня! – пробормотала она, наконец, голосом, который он совсем не ожидал от такой хрупкой женщины.

– Я люблю Вас! – ответил он.

Теперь, все в дыму, посреди надвигающихся томимых жаждой языков пламени, под дождём из раскалённых искр, под рёв разбойников, которые плясали и насмехались вокруг этого жуткого костра, она обвила свои руки на его шее, и прижалась своей щекой к его щеке.

Каждое мгновение они слышал громкие звуки на дороге, шум костра, вой боли и крики гнева. Городовые Бовино нашли повозку, на которой убежали слуги Даль Колле, причём убежали очень резво. Начальник пробрался сквозь пламя и вытащил влюблённых из объятий смерти.

Наконец, рассвело. Ассанти и Даль Колле сопровождали в Бовино. Она была невероятно бледна. Когда они остались одни в лучшей комнате гостиницы, она протянула ему руку.

– Теперь мы расстаёмся.

– Как расстаёмся?!

– Мы пережили приятные минуты, мы воплотили в жизнь то чудо, которое казалось мне невозможным за столом беседки в гостинице «Россия». Не будем всё портить! Мы были настоящими победителями, и так как невозможно, чтобы мы всегда были на крючке у разбойников, чтобы возбуждаться, давайте прекратим быть нелепыми.

– Да что ж Вы за женщина?

– Мне говорят, что я сумасшедшая: а я замечаю, что сумасшедший намного разумнее любого мудреца. Видите, мой друг, мы разговариваем об этом, когда усталость ослабляет лихорадку. Через две недели Вы вернётесь от неприязни к воодушевлению, бросите меня спокойно, сделаете меня жертвой Вашей жизни, не зная, что Вы этого достойны. И это благоразумно? Вы сделали для меня прекрасную вещь, которая может затронуть сердце или вскружить голову любой женщине, укрыли её безумие... Больше не о чем говорить; но Вы уверены, что это не жертва ради жертвы? Зачем Вы задаётесь? Это было сделано скорее для Вас, чем для меня? Вы убеждены, что сделали это ради моей любви?

– Какие другие доказательства Вам нужны?

– Ещё одно простое: говорите, что любите меня?

– Да.

– Вы меня не знаете, не знаете, кто я, не знаете, куда я иду, не знаете, достойна ли я Вас, могу ли я полюбить Вас так, как Вы этого хотите!..

– Я знаю, как я люблю Вас!

– Из десяти мужчин, причём более умных, девять ответили бы так же, как Вы. А если бы я любила Вас, Вы были бы счастливы?

– Да.

– И Вам бы хватило этого счастья? Как долго, Вы бы хотели, чтобы оно длилось?

– Вечно.

– Почему Вы тогда не женитесь на мне?

– Я подумаю...

СКАЗАНИЯ ЗАМКА ТРЕЦЦЫ

1

Госпожа Матильда сидела на рушившемся поручне, руками опираясь на плечо башни, направив задумчивый взор в чёрную и непроницаемую бездну: её муж, с сигарой в зубах, руками в карманах, всматриваясь в синеву колец дыма, слушал со скучающим видом; Лучано стоял рядом с госпожой, казалось, он пытался читать мысли, как если бы они отражались в этих непроницаемых глазах, как та бездна, которую они созерцали. Остальные в том кругу располагались тут и там на площадке, усыпанной камнями и кустами ежевики, болтая, смеясь и остря; море выглядело мертвенно-бледным, непринуждённо катилась лёгкая рябь, усеянная хлопьями пены. Солнце заходило за причудливые облака, и тень замка, огромная и унылая удлинялась до самых скал.

– Это было здесь? – спросила в этот миг госпожа Матильда, резко подняв голову.

– Именно здесь.

Она медленно оглянулась кругом с задумчивым взглядом. Потом спросила, подшучивая со взрывом живого смеха,:

– Откуда Вы знаете?

– Проявите воображение и представьте эти своды, высокие, тёмные, в которых светятся обломки позолоты, этот огромный дымоход, закоптелый, переживший тот изящный герб, которого не получится коснуться, не потеряв крови, этот глубокий альков, подобный пещере, оклеенный тусклыми цветами, свисающий у изголовья меч господина, который никогда понапрасну не вытаскивал его из ножен, который был всегда наготове, с напряжённым слухом, как разбойник – честь которого превыше его Бога, а его женщина ниже войсковой лошади – женщина слабая, застенчивая, одинокая, дрожащая при рьяной хмурости своего господина и хозяина, отказавшейся от своей семьи в день, когда её доверили туманной и неумолимой чести другого имени; – внутри алькова, отделённого тонкой стенкой, доской-изменницей, этот лаз, который сегодня безо всякого лицемерия показывает свою распахнутую глотку – общую могилу бурых, крепких, усаемых мастино¹, которые храпят меж женой и мечом; – свет ночной лампы льётся по бесконечным стенам и изображает для Вас чудные образы и страхи, ветер, который завывает, словно злобный дух в горле дымохода и бешено стучит ставнями, источенными червями; и время от времени, где-то в стенах, в глубине этой глотки лаза, рядом с которым рокочет море, задыхающийся стон преисподней, бредящий от острой боли, вой, который направляет женщину к подушке, с волосами, взъерошенными от ужаса, влажными от пота ещё более страшной тревоги, которую испытывает человек, находящийся при смерти в глубине люка, сам не свой, заставляет направить её сумасшедший взор на мужа, который не слышит и храпит.

Госпожа Матильда тихо слушала с неподвижными, сосредоточенными и светящимися глазами. Она не сказала: «Верно!», а лишь опустила голову. Муж пожал плечами и поднялся, чтобы уйти. Тени всех людей перешли в глубину развалин и пропасти.

– Если это всё правда, – сказала она кратко; – всё произошло, так как Вы говорите, они, должно быть, опирались, на останки этого подоконника, наблюдали за морем, как и мы сейчас... – Она положила свою хрупкую руку. – Здесь.

Он опустил взгляд на руку, потом посмотрел на море, потом снова на руку. Она не двигалась, не роняла ни слова, только смотрела вдаль.

¹ Порода собак (здесь и далее - примечание переводчика)

– Пойдём, – вдруг сказала она. – Сказание увлекательное, но моему мужу нужны собеседники для обеда. Пойдём.

Молодой человек предложил ей свою руку, и она подхватила её, приподнимая полы своей одежды, перепрыгивая через камни и развалины. Проходя возле рассыпающегося дверного косяка, она заметила, что он всё ещё держится на остатках гипса.

– Если бы они тоже могли рассказать! – смеясь, сказала она.

– Они бы рассказали, что на этом самом месте, куда Вы положили свою руку, кто-то схватил дрожащую руку баронессы, которая нервно тянулась к уху, а около коридора, где она больше не слышала ни его шаги, ни голос, ни жалобы, звенели окровавленные стоны барона.

Госпожа быстро отодвинулась назад, как будто отдёргнутая пламенем, потом она снова положила туда свою руку, решительную, но нервную и уже морщинистую; казалось, ей недостаёт эмоций, губы её застыли в странной улыбке, щёки вспыхнули, глаза загорелись.

– Смотрите! – сказала она. – Больше я ничего не слышу!

– В добрый час! – воскликнул господин Джордано. – Мы можем идти.

Жена повернулась с рассеянным взглядом и добавила:

– Прости, ты ж понимаешь!

Лучи солнца перед тем, как исчезнуть, оказались на поверхности воды и внезапно осветили глубину шахты дымохода, острую верхушку чёрных стен и белые булыжники, которые выделялись своей влажностью и росшим на них **мохом**, и рахитичные лишайники, по-осеннему красные. Улыбка исчезла с лица легкомысленной госпожи, она повернулась к мужу, скромная, ласковая, смущённая.

– Пойдём? – сказала она ему.

– Будь осторожна, – ответил господин Джордано, иронически улыбаясь. – Ты увидишь прах того прекрасного рыцаря в страшных снах этой ночью.

Она не ответила, не двигалась, опустив взор в яму, прислонилась к камням, которые её окружали, и, наконец, глухим голосом сказала:

– На самом деле... Есть тут что-то светлое, там внизу, глубоко... – и не дожидаясь ответа, добавила. – Если тот человек упал сюда, он должен был инстинктивно хвататься за камни... Видите? Можно сказать, тут ещё осталась кровь.

Её муж бросил потухшую сигару, и повернулся, она вздрогнула, как будто увидела, как оскверняют могилу, покраснела и встала, чтобы уйти. Она была изящной брюнеткой, бледной, утончённой, нервной, с большими чёрными пронизательными глазами; неожиданно её нога соскользнула с плохо укреплённого камня, она пошатнулась, ей пришлось схватить Лучано за руку.

– Спасибо! – сказала она ему с непередаваемой улыбкой. – Словно пропасть позвала меня.

2

Обед был превосходным, не зря господин Джордано предпочёл пообедать и послушать сказания о замке. К одиннадцати, он поиграл на пианино, поплясал в гостиной и поиграл в карты в других покоях. Госпожа Матильда вышла в сад глотнуть свежего воздуха и пропустила польку, которую она пообещала синьору Лучано, который искал её полчаса.

– Ну наконец! – сказал он ей, заметив её издалека. – Как же наша полька?

– Вы всё ещё думаете об этом?

– Конечно.

– Оставим это?

– А как же полька!

– Откровенно говоря, знаете... Она рассказала несколько настолько забавных случаев, что я не стала бы верить этой сумасшедшей балерине...

– Вы верите в эти рассказы?

– Хм... По настроению.

Наступила гробовая тишина, ветер рьяно гнал тучи, иногда в саду был слышен шелест деревьев, на небе висели серебристые клоки, тени лежали на земле, освещаемой луной; казалось, пытались угнаться друг за другом, раскаты моря и смиренное шушуканье листвы; всё это придавало, какую-то таинственность. Госпожа Матильда водила глазами там и тут; весьма рассеяно она взглянула на громаду гигантского замка, который на какой-то миг показался своими сказочными краями, переливающимися в глубине. Свет и тени быстро сменяли друг друга на этих развалинах, и кустарник, пустивший свои корешки на самый высокий равелин, время от времени колебался на ветру, словно чудной призрак, опускающийся в бездну.

– Видите? – сказала она с какой-то непонятной улыбкой и слабеньким голосом. – Там, наверху, кто-то живёт и действует!

– Призраки из быliny.

– Кто знает!

– Как раз это и есть главная загадка этой истории...

– Либо...

– Либо что?

– Кто знает... Что делает мой муж?

– Играет в тресетте².

² Карточная игра.

– А госпожа Олани?

– Она смотрит.

– А!.. Расскажите мне свою историю... – продолжила она с необычайной живостью, – Если Вам не жаль нашу польку.

История, которую рассказал Лучано, была действительно странной!

Второй женой барона д'Арвело была Монфорте, благородная, как король и бедная, как Иов, сильная, как военный, и достаточно смекалистая, чтобы изящными рифмами отвечать на грубоватые любезности господина Гарция и обещать ему, такой большой выводок д'Арвело, какой только может высидеть наседка-хозяйка Треццы. До свадьбы ей говорили о духах, которых видели в замке, и что ночью в проходах и залах слышится непрерывная возня, и что двери открываются и окна распахиваются, и непонятно каким образом – ведь весь день они были плотно закрыты; как слышат стоны из другого мира, раскаты хохота, пугающие до гусиной кожи, которые издают смелые негодяи алебардой и доспехами. Госпожа Изабелла отвечала, что они с мужем решили, что это шумит господин Гарция, она не боялась ни этих испанских и сицилийских ведьм, ни всех дьяволов преисподней. И госпожа сдержала своё слово.

Первый раз, когда она проснулась в кровати, на которой прошлой ночью спала бедняжка госпожа Виоланте, а Грация, горничная первой жены барона, принесла ей шоколад и открыла окно, она лениво спросила спросонья:

– Что ж, как же так, чтоб наши призраки не плясали тресконе, приветствуя новую хозяйку замка?

– Вы ничего не слышали этой ночью? – ответила бедная Грация, которая даже разговаривать боялась.

– Да, я слышала храп господина Гарции, скажу тебе, он храпит, как десять валлонских охранников.

– Если желаете, священник освятит эту комнату лучше в другой раз.

– Да-да, пусть. Или же я начну бояться дьявола и призраков.

– Это произойдёт завтра.

– Ах! Значит, я увижу их обряды, у них свои призрачные господа, подобно нашему королю? Расскажите же!

– Я ничего не знаю, госпожа.

– А кто знает эту историю?

– Мама Лючия, Бриджида, повар Мазо, Ансельмо и Рыжий, двое слуг господина барона, господин Смуглый, ловчий.

– Они видели их?

– Нет.

– Нет! Наверно, они их слышали?

– Они слышали что-то такое, от чего нас освободил Господь Бог.

- Когда же они слышали то, от чего нас освободил Господь Бог?
- С тех пор, как умерла бедная госпожа Виоланте, первая жена господина.
- Здесь?
- Именно здесь, в этом крыле замка, на вершине зубца, в глубине кухне, окно которой выходит во двор.

Госпожа начала смеяться, а вечером рассказала мужу то, что ей поведали. Господин Гарция, вместо того, чтобы посмеяться, впал в такую страшную ярость, так сильно богохульствовал, гневил святых такими словами, каких госпожа Изабелла никогда ещё не слышала даже от стремянного конюха, который орёт дома на своих братьев; он угрожал тому, кто позволил себе распространить это враньё; он подпрыгивал на высоту самого высокого равелина замка. Госпожа была крайне удивлена поведением такого странного человека, который не боялся даже дьявола, который придавал такое значение глупейшей шутке; она в глубине души очень порадовалась тому, как изящно она может верховодить над мужем, как и должна делать хозяйка замка.

– Хороших Вам снов, госпожа, – сказал ей господин Гарция. – Потому что здесь, в замке и снаружи, в окружности десяти лье, где известны мои права и моя шпага, Вам нечего бояться, кроме моего гнева.

И хотя баронессу поразили слова её мужа, она никак не могла выбросить из головы эту милую глупость; она внезапно проснулась ночью, веря, что она услышала (или же это был лишь сон?) какой-то неясный шум, не очень долгий, где-то между стен алькова. Она замерла в тревожном ожидании, вслушиваясь, но ничего не услышала; ночной светильник всё ещё пылал, а господин так же храпел. Она не осмелилась разбудить его, но и сама заснуть никак не могла. Наутро служанка нашла свою госпожу бледной и нахмурившейся, и пока она причёсывалась перед зеркалом, баронесса, стоявшая на каминной подставке, наматывала парчу на свою домашнюю одежду, спросила немного нерешительно:

– Ну-ка, скажи мне всё, что ты знаешь о призраках этого замка.

– Я не знаю ничего другого, кроме того, что мне рассказали Рыжий и Бриджида. Хотите, чтобы я позвала Бриджиду?

– Нет! – резво ответила госпожа Изабелла. – Напротив, ни одной живой душе не говори, что мы с тобой обсуждали... Расскажи мне, что тебе сказали Рыжий и Бриджида.

– Бриджида, когда засыпает в своей комнатке недалеко по проходу, каждую ночь слышит что-то, иногда до, иногда после двенадцатичасовых ударов большого колокола, она открывает окно, которое выходит на балкон, и дверь в проход. Первый раз Бриджида услышала те звуки на второе воскресенье после Пасхи, у девушки начался жар, она не могла заснуть; на следующий день все,

кому она рассказала об этом, подумали, что это какой-то лихорадочный бред, но бедняжку, по мере того, как солнце заходило, охватил сильный страх, она начала говорить о какой-то тёмной улице в ночи, все подумали, что у неё опять лихорадка, а мама Лючия осталась спать с ней. На следующий день даже мама Лючия заявила, что она не хотела бы провести ещё одну ночь в той комнате, даже если бы ей предложили всё золото мира. Теперь уже все выглядели ещё более недоверчивыми и начали разузнавать, что и как, Мазо сказал, что он не хотел бы об этом говорить, ему слишком страшно, а храбрость других вызывает у него лишь насмешки. Больше месяца, он слышал какие-то звуки в столовой, и замечал, как призраки что-то тихо делают с посудой. Постепенно он рассказал обо всём, что видел.

– Видел?

– Да, госпожа, подозревая, что кто-то из кухонных мальчиков играет с ним дурную шутку, он остался в столовой со своим большим кухонным ножом за поясом и начал ждать полуночи, это время, в которое он обычно слышал этот шум. И вдруг внезапно – он даже не слышал жужжания мухи – он увидел, как прямо перед ним появилось огромное белое привидение; оно приблизилось вплотную, не произнеся ни словечка, прошло рядом и не сделало никакого шума, даже такого, какой делает мышь, выходя на охоту за старым сыром. Бедный повар не желал больше знать ничего и чуть было не заработал прекрасную и загадочную болезнь.

– Ах! – сказала госпожа, смеясь. – Что же он сделал дальше?

– Да ничего не сделал, набрал в рот воды, пошёл исповедоваться и причащаться, и каждую ночь, перед тем как пойти в постель, не забывал прочесть молитву и пожелать всего самого светлого всем душам в чистилище, которые имеют привычку бродить по ночам в поисках зауспокойного отпевания.

– Призраки, которые воруют в столовой, существуют, как и голодные кошки, и поганые мальчишки. Если бы я была господином Мазо, вместо того, чтобы читать «Отче Наш», я бы посоветовала лучшее лезвие, чтобы найти и разоблачить того бездельника, который позволяет себе меняться обязанностями с приведениями.

– Ох, госпожа, то же самое сказал Рыжий, он из тех молодых людей, которые сами похожи на дьявола, сами являются дьяволами, и ничего не боятся. Он громко смеялся и сказал, что он может любого человека принять за призрака, привидение, самого дьявола, и заставить того извергать всё божье благо, которое насыщает за столом, но он этого не сделал! На следующую ночь он тоже вышел в проход, как до этого это сделал повар, со своей бравой алебардой в руках и ждал час, два, три. Наконец, он начал думать, что Мазо всего лишь подшутил над ним или это сказало действие вина, он начал засыпать, сидя на

скамье, облокотившись о стену. И вдруг в полудрёме, он увидел перед собой белую фигуру, голова которой касалась крыши. Она остановилась подле него, замерла, не производя ни малейшего шороха, было неясно, откуда она пришла, лишь небольшой свет струился из комнаты караула через проём свода вверху стены. Рыжий клялся, что он видел своими глазами, как привидение сосредоточило на нём свой взгляд, блестящий, как у полосатой кошки. Рыжий, то ли всё ещё никак не мог проснуться, то ли он так сильно забоялся внезапного пришествия, что не говоря ни слова, вытащил свою алебарду и начал водить её по сторонам, заколол две бронзовые колонны; но оружие его треснуло в его руках, будто стеклянное, которое бросили о стенку. Он увидел маленькие искры пламени, какие можно увидеть, когда запускают шутихи на праздник Онъинской Мадонны, и призрак исчез, не больше и не меньше, как если бы дунул ветер, оставляя Рыжего в полном ужасе с остатком оружия в руках, с таким бледным лицом, что он испугал бы любого, кто увидел бы его до этого, сейчас или после. Вместо того, чтоб назвать его Рыжим, его бы называли Белым.

Баронесса опять засмеялась с видом полного недоверия, но её ресницы морщились всё сильнее и сильнее, и хотя она удерживала свой взгляд на зеркале, она не заметила, ни как причёсывалась Грация, ни как появились складки на её собственном жабо с вышивкой. Или же уверенность служанки была до такой степени искренней, что передалась ей, или же недавний сон оказал на неё такое сильное впечатление, что она подумала, как сильно она не хочет эту ночь опять проводить в том же алькове.

— А что говорят об этих явлениях в замке? — спросила она после некоторого молчания.

— Госпожа...

— Говори!

— Госпожа... говорят, что это шутки...

— Рассказывай мне об этом.

— Господин барон пришёл бы в дикую ярость, если бы узнал об этом.

— Вот и пусть! Расскажи мне всё!

— Госпожа... я лишь бедная девушка... невежда... Как я могу говорить то, чего сама толком не знаю... Господин барон выкинул бы меня через окно с такой лёгкостью, с какой я не могу выкинуть на улицу даже гребешок, который перестал служить мне. Пощадите, госпожа, не гоните меня под горячую руку господина!

— Предпочитаешь попасть под мою горячую руку? — воскликнула баронесса, нахмутив брови.

— Горе мне!.. Госпожа!

– Ну же, рассказывай, я хочу знать всё, что они об этом говорят, повторяю тебе, и помни, что хотя гнев барона и очень опасен, мой – тоже не шутки.

– Говорят, что это дух бедной госпожи Виоланте, первой жены барона, – ответила Грация, напряжённая и дрожащая.

– Как умерла госпожа Виоланте?

– Она бросилась в море.

– Сама?

– Именно сама, с того полуразрушенного балкона, на который выходят окна в большом проходе, на скалы, которые виднеются внизу; на дне пропасти нашли её белую вуаль. Это был второй четверг после Пасхи.

– А почему она покончила с жизнью?

– Кто знает? Господин спокойно спал рядом с ней, а потом проснулся от жуткого крика, не нашёл её под боком, и спросонья увидел убегающую белый образ. Затем услышал громкие звуки где-то в замке, все поднялись на ноги быстрее, чем можно прочесть «Аве Марию», обнаружили, что двери и окна большого коридора распахнуты, а барон бежал на балкон, как освирепевший кот, и если бы не егерь, который вовремя схватил его, барон упал бы с разваливающегося поручня в то место, где начинается лестница сторожевой башни. А призрак исчез как раз на том месте.

Баронесса задумалась.

– Как странно! – пробормотала она.

– От бедной госпожи ничего не осталось, кроме той вуали; в часовне замка и деревенском соборе отпевали её трое суток, устроили прощание, большая толпа стояла на похоронах на коленях, все желали её душе покоя и вышла самая большая милостыня за всё время. Господин дал распоряжение, чтобы похороны были такими, как положено такой богатой и влиятельной госпоже: гроб с семейным гербом, вышитым в четырёх местах покрывала, оставался три дня и три ночи в часовне; более сорока свечей сгорели за это время; у подножья алтаря стоял большой стяг; занавески и щиты окружали его. Всё это выглядело очень пышно, однако, господин сразу же уехал и долго не видел замок до недавнего времени.

– Тем лучше! – пробормотала госпожа Изабелла. – Господин Гарция ничего не говорил мне обо всём этом, но хорошо, что я всё-таки узнала об этом.

– Некоторые рыбаки, которые выходят в море намного раньше других, говорят, что видели призрак баронессы, одетый во всё белое, будто святая, хотя она ей и была. Он спокойно прогуливается вверх и вниз по разрушившейся лестнице, куда даже чайки боятся присесть, словно она ступает по турецкому ковру в лучшем зале замка.

– Ах! – воскликнула баронесса и не промолвив больше ни слова, встала, подошла к окну и присела.

Утро было тёплым и прекрасным, радостное солнце, которые входило через другое окно, казалось, веселило мрачную комнату, но госпожа Изабелла этого не замечала, она выглядела задумчивой, неожиданно она повернулась к Грации:

– Покажи, куда упала госпожа Виоланте, – сказала она.

– Как раз в то место, где рушится стена и начинается лестница в сторожевую будку, в которой сидел часовой.

– А почему он там больше не сидит? – спросила баронесса с необычным любопытством.

– Было бы нужно иметь крылья, чтобы вскарабкаться наверх; теперь, когда лестница разрушилась, самый смелый чернорабочий не ступил бы ногами на то, что осталось от ступеней.

– Да, это верно!..

Она осталась наблюдать за башенкой, которая стояла в уединении, будто приклеенная, трусливая в этой бездне, распахнутой книзу, в этой огромной завесе. Развалины главной лестницы, падающие, разрушенные, без поручня, подвешенные в духе пятнадцатого века столбы над пропастью – всё это казалось основой какой-то сказочного сооружения.

– На самом деле, – пробормотала она словно сама себе, – Это было бы невероятно. Кружится голова от взгляда туда.

Она резко двинулась назад и закрыла окно.

Грация, видя, как хмурится её насмешливая госпожа, и заметив, какое сильное впечатление оказал на неё этот рассказ, почувствовала тот сильный страх, который должна была бы почувствовать, если бы провела ночь в комнате Бриджиды.

– Увы, госпожа, я рассказала Вам всё, чтобы не ослушиваться Вас, не смея помыслить, что будет, если об этом узнает барон. Пожалейте, госпожа!

– Не бойся, – ответила госпожа Изабелла с чудной улыбкой. – об этих делах, правдивых или нет, я не расскажу мужу. Но расскажи мне, что они говорят о причинах, побудивших госпожу Виоланте покончить с собой, какая-то причина всё же есть, они что-то говорят, напрасно или нет, всё было?

– Клянусь пятью ранами Иисуса Христа и святым четвергом, что сейчас они ничего об этом не говорят, по крайней мере, я ничего не знаю. Прежде, когда мы начали слышать стоны в грозовые ночи и также во все субботные и воскресные ночи и каждое полнолуние, когда какая-то немилость выпадала на наш замок и его окрестности, я думала, что госпожа умирает от какого-то смертного греха, а её душа просит помощи из другого мира, черти пытаются её раскалённы-

ми клещами. Но потом Беппе, рыбак, рассказал о видении, которое являлось на вершине сторожевой вышки, а потом его старый дядюшка Гаспаре подтвердил это, он был уверен, что благословенная душа госпожи ищет в этих местах спасения. А ещё мы думали, что это душа бедняжки слуги Коррадо.

– Как умер слуга? Покончил с жизнью после неё?

– Он не умер, он исчез.

– Когда?

– За два дня до смерти госпожи Виоланте.

– А кто заставил его исчезнуть?

– Кто!.. – прошептала девушка, становясь бледной. – А кто может заставить исчезнуть душу Господа и поселить её у нас дома, как волк ворует овцу? Господин Дьявол.

– Ах! Выходит, большим грешником был господин Коррадо!

– Нет, госпожа, он был самым красивым и любезным юношей в замке.

Баронесса начала смеяться.

– Эх! Моя бедная Грация, все грешники, которых похищает дьявол, выглядят так!..

Она снова задумалась, медленно повернулась, внимательно всматриваясь в ту кровать, стоны с которой когда-то внушали всем дикий страх.

– Когда слышались эти стоны из другого мира? – спросила она.

– В те ночи, когда не было видно призрака.

– Странно! А где?

– Здесь, госпожа, в этом алькове и в проходе рядом, который проходит мимо этой комнаты, и в одевальне, которая внутри алькова.

– Значит, здесь, рядом?

Во время этого вопроса Грация перекрестилась.

Внезапно баронесса сжала губы.

– Хорошо, – сказала она резко. – Теперь уходи. Не бойся. Не скажу ничего о том, что ты сказала мне.

3

Госпожа Изабелла провела весь день, обстоятельно изучая все комнаты и проходы возле своей спальни, господин Гарция тщетно спрашивал её о причинах такого беспокойства. Ночью она спала мало и тревожно, но ничего не слышала, кроме ветра, который начал с рассветом стучать в окна, которые выходили на балкон.

На следующий день баронесса, находясь ещё в постели, услышала следующий разговор между её мужем и Рыжим, который помогал тому обуть толстые охотничьи сапоги:

– Скажи-ка, разбойник, что это был за шум в моих окнах ночью?

Рыжий почесал голову и ответил:

– В первые часы после рассвета поднялся сирокко³.

– Это было бы замечательно, но окна были очень плотно закрыты, сирокко не смог бы заставить их плясать, как девочку, мучающуюся болью святого Витта. И будь внимателен к своим обязанностям, нахал, потому что теперь, когда я здесь, в замке всё должно идти, как по часам соборной колокольни.

– Господин, Вы здесь хозяин, – ответил Рыжий нерешительно. – Но окно, наверно, было открыто.

– Скажи мне, почему.

– Потому что, когда окно закрыто, это можно почувствовать...

– Что?

– Почувствовать, господин!

– Будь ты проклят! – завыл барон, схватил сапог и бросил Рыжему в лицо.

– Господин, Вы можете убить меня, если хотите, но я сказал правду.

– Кто наболтал тебе эту правду, обманщик ты проклятый?

– Я видел и слышал, как вижу и слышу Вас, как Вы гневитесь на меня. Но я не виноват.

– Ты?

– Я, лично.

– Вы воруете вино из моего погреба, негодяй!

– Я не пил ни воды, ни вина, господин.

– Ты заставляешь меня лениться, значит! Ты боишься, как влюблённый кот! Ты стареешь, мой Рыжий, как орудия старьевщика, я вышвырну тебя из замка ударом ноги ниже поясницы!

– Господин, мне ничего не было бы, если бы Вы натравили на меня дюжину дьяволов во плоти, которые могут справиться со мной одним ударом алебарды, могут умертвить как собаку, но я ничего не могу сделать против врага, которого не вижу во плоти, который ломает Ваше железо, как Вы ломаете соломинку, против души, которую я дал бы первой голодной собаке. Я не знаю, что Вы смогли бы сделать в таком случае, хотя Вы самый неистовый барон Сицилии.

На этот раз барон почесал голову и нахмурил брови, уже не гневаясь, или, по крайней мере, не вымещая свой гнев на Рыжего.

³ Сильный сухой горячий ветер

– Ладно, – сказал он. – Закрой хорошенько все окна этой ночью, иди спать и не думай о другом.

Госпожа Изабелла поднялась ещё более бледной и молчаливой, чем обычно.

– Вам было страшно? – спросил господин Гарция.

– Я ничего не боюсь! – очень сухо ответила баронесса.

Однако же ночью она не сомкнула глаз, когда её муж храпел, как контрабас. Она переворачивалась с бока на бок на кровати и случайно резко затрясла её своей рукой, поднялась, присела, вытаращила глаза. Её лицо побледнело.

– Прислушайтесь! – сказала она.

Господин Гарция тоже раскрыл очи, увидел её, вскочил, сел и положил руку на шпагу.

– Нет! – сказала она. – Ваша шпага Вам не понадобится.

– Что Вам послышалось?

– Прислушайтесь!

Оба оставались неподвижными, молчаливыми и внимательными. Наконец господин Гарция бросил шпагу в середину спальни, и торжественно снова лёг спать.

– Даже Вы делаете меня сумасшедшим! – пробормотал он. – Этот Рыжий, негодяй, заставил Вас оглядываться по сторонам! Я отрежу уши этому мерзавцу.

– Тише! – воскликнула госпожа снова, но на этот раз таким голосом, с таким взглядом, что барон не отважился возразить. – Слышали?

– Ничего, чёрт возьми!

Вдруг он опять встал и присел, если не такой же бледный и взволнованный, как госпожа, то по крайней мере увлечённый и внимательный. Он начал одеваться, а когда обувал сапоги, неожиданно вскочил.

– Слышите! – повторила госпожа Изабелла, перекрещиваясь.

Он выдал страшнейшее ругательство, вместо того, чтобы перекреститься, прыгнул к шпаге, которую бросил в середину спальни, и в таком виде, полураздетый, с обнажённой шпагой в кулаке, бросился в проход позади алькова.

Чуть позже он вернулся.

– Ничего! – сказал он. – Окна закрыты, я прошёлся по коридору, по маленькому проходу, был в одевальне, Мы сумасшедшие, Вы и я, а теперь дайте меня поспать, потому что если Рыжий завтра узнает, что я делал ночью, это будет знаком того, что я слабоумный; мне будет стыдно даже перед ним.

Больше он ничего не слышал, баронесса так и не заснула, а господин Гарция, хотя и добавил громкости своему храпу, всё же не мог заснуть, как обыч-

но. На рассвете он встал с таким же видом, что и Рыжий; бодрость была ключом из него, он даже готов был драться.

– Позови Смуглого, – сказал ему барон, и снова начал прогуливаться по комнате, пока баронесса причёсывалась. Госпожа Изабелла, встревоженная, следила за ним краем глаза, увидела, как он вышел в проход, слышала, как он прохаживается в одевальне, потом видела, как он вернулся, сотрясая голову, и бормотал сам себе:

– Нет! Это невозможно!

Появились Смуглый и Рыжий.

– Мой старик, – сказал ему барон. – Ты хотел бы заработать красивый золотой дукат и провести ночь в соседнем проходе, не дрожа, как баба-прялка, которая болтает о призраках?

– Господин, я готов сделать всё, что Вы прикажете, – ответил Смуглый, но не без небольшого сомнения.

Барон знал этого Смуглого как закоренелого буяна, верного во всех испытаниях, и к тому же, сыграл на его колебаниях; он знал Смуглого против всех ожиданий.

– Чёрт подери! – закричал он, ударяя огромным кулаком по столу. – Вы шайка лоботрясов!

– Господин, чтобы доказать Вам, что мы не такие уж и лентяи, я сделаю то, что Вы прикажете мне.

– И я тоже, – добавил Рыжий, немного смущённый тем, что он не настолько внушает доверие, как ловчий. – Вы можете не сомневаться в наших словах.

– Итак! Потому как вы всё видели, потому как вы всё слышали, потому как вы всё потрогали, обеспечьте мне надёжную охрану этой ночью, стерегите все ходы, в которых какие-то бездельники заставляют мурашек пробежать по спинам всех моих людей. В каких местах чаще всего видели этого призрака?

– Чаще всего в проходе, что рядом... Но никто ничего не видел, с тех пор, как то крыло стало необитаемым...

– Ты, Смуглый, будешь охранять дверь, которая ведёт в большую залу, а Рыжий – окно в начале прохода. Когда эти зловредные духи проникнут внутрь, а у вас под рукой будут отличные мечи, у вас не дрогнет ни рука, ни сердце, и враг не сможет забежать в мою комнату... или же, ради Господа и ради Дьявола! Ему придётся иметь дело со мной. Идите, хорошей вам защиты!

– Мне кажется, Вы сделали лучшее, раз приказали устроить отпевания на упокой души Вашей госпожи Виоланте, – сказала ему баронесса очень вдумчиво, когда они остались одни.

Барон был на вершине гнева, но сумел овладеть им и ответил с насмешливым видом:

– С каких это пор Вы стали легкомысленной, как девчонка, жена моя?

– С тех пор, как видела и слышала то, что раньше не видела и не слышала.

– Что ж Вы слышали, будьте любезны?

– То же, что слышали и Вы! – отразила она, несколько не смутившись.

Господин Гарция нахмурил брови.

– Я ничего не видел и не слышал, – воскликнул он свирепо.

– А я видела Вас тогда, как вижу сейчас. Как Вы были застигнуты врасплох тем, что видели!

– Ах! – воскликнул барон со смехом, который оголил его белые зубы, острые, будто волчьи. – Это Вы морочите мне голову, я теперь тоже боюсь!

– Вы думаете, что я боюсь, господин?

Господин не ответил, он подошёл к окну с таким же мрачным видом, какой имели огромные тучи, нагромождавшиеся на окоёме.

4

Барон был чрезвычайно спокоен за ужином в тот вечер. Госпожа Изабелла отправилась почивать, не сказав ни слова, не сделав ни единого замечания. Она была бледна и серьёзна. Господин Гарция, когда понял, что Рыжий и Смуглый уже заняли свои места, тоже пошёл спать и сказал своей жене, насмешливо:

– Этой ночью мы увидим хвост удирающего дьявола.

Госпожа Изабелла не ответила, а господин Гарция не храпел и спал только одним глазом.

В полночь вдруг послышались звуки, барон поднял голову, прислушиваясь к двенадцати ударам, начал ворочаться в кровати, зевал, и наконец-таки заснул. Всё стихло, даже ветер молчал, Госпожа Изабелла, которая всё это время бодрствовала тоже начала дремать.

И вдруг жутчайший крик разразился по всему коридору, страшнейший, ужаснейший, горячечный крик. Невозможно было понять, кому этот голос принадлежит, казалось бы, даже не человеку, затем началась шумная суматоха, дверь и окно комнаты резко раскрылись, будто от жестокого порыва ветра, и в неясном свете лампы, подобно молнии появился белый образ; он перебежал через всю комнату и исчез в окне.

Баронесса остолбенела от ужаса под покрывалом, увидела, как её муж устремился за призраком со шпагой в кулаке и выпрыгнул через окно на бал-

кон. Он, как безумец, пробежал за Смуглым, преследуя призрак, который порхал, словно птица по краю разбитого поручня, оба с взъерошенными головами видели его. Это не было видением. Белый образ с лёгкостью вскарабкался на камни на месте, где начиналась лестница, и исчез.

– Ах, Онъинская Богоматерь! – воскликнул барон, после нескольких мгновений ужаса. – Я уничтожу тебя своей шпагой, или пусть возьмут мою душу, это Дьявол во плоти!

Господин Гарция не верил ни в Бога, ни в Дьявола, однако уважал их обоих. Сам не зная почему, он вспомнил слова госпожи Изабеллы с утра и задрожал.

Госпожа Изабелла задала не самый простой вопрос, лишь устрасила. Барон, впрочем, был в таком настроении, в котором не должно было пребывать обоим. На следующий день, однако, она сказала ему, что не намерена больше спать в этой спальне.

– Подождём ночь, – ответил муж. – Я буду ещё сильнее охранять, и если завтра Вы не будете смеяться над Вашими страхами, я позволю Вам делать всё, что Вам вздумается.

Она не осмелилась вставить и слова, но чуть позже спросила его:

– От какой болезни умерла Ваша первая жена, господин?

Он подозрительно посмотрел на неё и ответил:

– От падучей, госпожа.

– Со мной такого не случится, обещаю Вам! – сказала она странным голосом.

Господин Гарция со всеми своими недостатками воина удачи, дворянина-разбойника, имел только одно положительное свойство: испытанную храбрость. Он сделал то, что не осмелился сделать даже Смуглый, ужасный Смуглый, которого до смерти боялся даже Рыжий, смелый юноша. Он провёл три следующие ночи в проходе и бровью не повёл, стоял неподвижно, так же неподвижно, как столб, на который он опирался, держа руку на ручке шпаги, наострив слух: ветер стучал ставнями окон, которые были открыты по его приказу, совы порхали на балконе, а летучие мыши шипели в проходах, свет от лучины отражался в проёме свода залы охраны и, казалось, дрожал. Но в общем-то всё прошло спокойно, и господин Гарция утомился проводить ночи в качестве военного часового. Видимо, воспоминание о виденном собственными глазами не осталось прочно в его памяти, а слова его жены не казались такими важными, чтобы вызвать тревогу и нарушить сон души и тела, но одно из этих сомнений настоятельно требовало разрешения. Совесть его всё ещё спала, но его воспоминания и обстоятельства оставались незамеченными, неожиданно они пробудились, заставили его предстать перед этими подозрениями, которые гос-

подин Гарция, грубый, свирепый, деспотичный господин, скептик, порой суеверный, но в глубине души искренний барон, нужно сказать, почитающий короля и Церковь, которые сделали его таким, какой он сейчас, он чувствовал власть над собой и необходимость освободиться благодаря своей уверенности и своей шпаге.

Настала уже четвёртая ночь ожидания господина Гарция. Море штормило, гром сотрясал замок до самой основы, град порывисто шумел на ветру, ветерница на крыше временами скрипела, всё сильнее и сильнее молния бороздила темноту прохода по всей его длине, казалось, она бросает волну всех цветов радуги, неожиданно лучина в зале для охраны погасла.

Господин Гарция остался в темноте. Мрак, который окутывал, казалось, сжимал его, сдавливал все его члены, стягивал грудь, затрудняя дыхание, и голос заливал в железную оболочку. Неожиданно наш вояка ясно почувствовал озноб, который просачивался во все кости: в темноте, среди этих звуков, различных и смутных, которые всё же не внушали страх, ему показалось, что он услышал какой-то другой звук, где-то совсем близко, жуткий, бросающий в жар, ускоряющий сердцебиение. Молния разорвала тьму, и он увидел перед своим лицом, застывшим и неподвижным, тот белый образ, пробежавший тогда перед ним, который повсюду преследовал его совесть и его думы. Он посмотрел в эти блестящие ужасающие очи. Все это было только мгновением, видением – с взъерошенными волосами он нанёс мощный укол, почувствовал, как шпага вонзилась во что-то, услышал раздирающий крик, который заморозил всю кровь в его жилах. В каком-то диком бреде он вытащил шпагу и отпрыгнул назад, объятый ужасом, созывая что есть мочи весь свой люд.

Прошло две или три страшных минуты, в течение которых он ничего не слышал, он оставался всё ещё наполовину во мраке, возле какой-то плоти, в которую он вонзил шпагу. Началась суматоха во всём замке, он слышал, как бегут люди, на стенах начали появляться отражения светочей, которые несли слуги. Господин Гарция вышел в дверь с криком:

– Никому не входить, кроме Смуглого, если вам дорога ваша жизнь!

Все ошеломлённо остановились, видя, как побледнел барон, как вытаращил он глаза, со шпагой в руке, к тому же испачканный кровью. Смуглый вошёл и увидел жуткое зрелище.

Подле стены лежал труп госпожи Виоланте, облачённой в свой белый халат, в котором она выскочила из постели своего мужа в ночь, когда все подумали, что она бросилась в море. Лицо её было бледным, как воск, она невероятно похудела, волосы её были запущены и всклокочены, глаза широко распахнуты, блестящие, замершие и жуткие. Рана оказалась смертельной и почти не кровоточила, только несколько капель крови вышло изо рта и залило подбородок.

– Ты был прав, Смуглый! – сказал барон сухим голосом. – Я не хотел верить в призраков, я думал, что всё это бабские шуточки, но теперь даже я верю. Мы должны выбросить тело мой бедной жены, которое приносило сюда этого злого призрака... и никто ничего не должен знать, ни внутри, ни снаружи замка, потому как они способны выдумать такие нелепые сплетни!

Смуглый всё понял и не нуждался в других объяснениях, однако же господин не забыл добавить вполголоса:

– Послушай, мой старик, ты знаешь хорошо, что, если бы все узнали, что случилось, я был бы двоежёнцем, и хуже, твоя голова была бы очень неустойчивой на твоих плечах, честное слово!

В церкви происходила годовщина со дня смерти госпожи Виоланте, устроили пышное дорогостоящее отпевание, однако же, никто не знал, что случилось. В замке и снаружи трубили, и выглядело всё совсем не так, как хотел господин Гарция. Смуглый начал сомневаться, что его голова прочно сидит на плечах и однажды, развлекаясь на охоте со снарядами для пищали повредил господину первый и второй позвонки.

Госпожа Изабелла, которая сильно боялась падучей, жила в другом доме, неподалёку от своей семьи и так как, ей стало намного лучше, она не стала возвращаться.

5

Таково было сказание замка Треццы, которое знали все в окрестности, которое все рассказывали в разных исполнениях, путая духов, души из чистилища и Оньинскую Богоматерь. Землетрясения, время и люди разрушали остатки роскошного и мощного местопребывания господ, которые во времена Арталле Алагоны безнаказанно вызывали гнев короля. Казалось, порочные дела прибавляли загадочности этому сказанию и приковывали внимание госпожи Матильды, когда она с упоением слушала.

– А что с тем человеком? – неожиданно спросила она. – С тем юношей, который по своей беде чуть не умер в ловушке, который был при смерти, что с ним стало?

– Кто знает? Возможно, барон услышал его задыхающиеся крики, или он отчаянно просил смерти, возможно, через несколько дней почуяли запах трупа из колодца, возможно, он захотел опередить то, что должно было случиться, – он бросился в негашеную известь и не почувствовал ничего.

– Это очень страшное сказание! – прошептала госпожа Матильда. – Давайте всё же избавимся от призраков, от полночных звуков, от ветра, который

распахивает окна и двери, от ветреницы, которая скрипит. Это очень страшное сказание!

– История, которая сейчас вряд ли бы произошла, ведь мужья ездят в суд, или что ещё хуже, они дерутся, – ответил Лучано, смеясь.

Она остановила его смех своим странным взглядом:

– Вы верите в это? – спросила она.

Лучано потерял дар речи из-за её взгляда, её голоса и почувствовал, что выглядит как-то рассеянно. Неожиданно вмешался господин Джордано.

– Поговорим о чём-нибудь другом, – вполголоса сказала она, необычайно весело. – Давайте не будем больше об этом...

6

Господин Лучано и госпожа Матильда видели друг друга почти круглые сутки, они встречались ежедневно в маленьком дружеском кругу на вечерних прогулках по окрестностям. Затем госпожа плохо себя почувствовала, и два или три дня её не было видно. Когда же они встретились первый раз после этого, что-то изменилось в ней по отношению к Лучано, он заботливо справился об этом при встрече, но её поведение, её ответы были такими запутанными, что молодой человек смутился, сам не зная, почему.

Было очевидно, что она его избегает. Со всеми весёлая, остроумная и приветливая, она изменилась в отношениях с ним. Изменилось даже поведение мужа, хотя ничего не случилось, не было сказано ни одного разъясняющего слова, Лучано сам не мог понять, почему он немного встревожен, почему её смущение смущает и его, и почему произошли такие перемены в господине Джордано. В отличный вечер полной Луны весь дружеский круг вышел на прогулку. Лучано решительно предложил руку госпоже Матильде, она долго сомневалась, но не осмелилась отказать, они медленно и молча прохаживались, пока другие болтали и смеялись. Внезапно она сжала его руку и сказала ему с каким-то шипением:

– Смотрите!

Господин Джордано стоял неподалёку, подавая руку госпоже Олани. Рука, которая сжимала руку Лучано, напряглась и затряслась, голос неожиданно задрожал.

Когда господин Джордано толкнул решётку особняка госпожи Олани, он, казалось бы сбросил маску, за которой прятался до этого мгновения, он выглядел рассеянным, молчаливым и нахмурившимся.

– Я боюсь!.. Я боюсь его! – пробормотала Матильда тихо.

Лучано надавил на изящную руку, которую слегка придерживал своей рукой, и задрожал в ответ, отпустил руку доверчиво и влюбленно. Он не мог защитить её, даже если бы отдал ей всю свою кровь. Она отвернула одинокие глаза, потерянные и блестящие в полумраке. Она опустила голову. Они выбежали через дверь из дома. Он не осмелился сжать её руку вновь.

Она уехала, так и не узнав, какие жаркие ночи видений он провёл, как лихорадка мучила его, пока он был рядом с ней, хотя и казался спокойным и равнодушным, сколько раз он пожирал её глазами, хотя и не смотрел на неё, так и не узнав, что творилось внутри него, когда он улыбался, вынужденный прощаться с нею на виду у всех, когда он смотрел, как она идёт и садится в угол повозки, с бледными щеками и глазами, направленными в пустоту, о том узле горечи в его сердце, который он ощущал, когда вновь проходил перед закрытым окном, в котором видел её множество раз. Догадывался ли он? Догадывался ли он, что она страдала точно так же? Когда они опять повстречались, намного позже, казалось, они и не узнали друг друга, не заметили друг друга, лишь побледнели, но не поздоровались.

Всё же они потом встретились ещё раз – на балу ли, в соборе или в театре, покровительствовал ли Господь, или же по случайности. Он сказал ей:

– Когда я мог бы увидеть Вас снова?

Она побледнела, пожала руку, опустила глаза, а потом устремила свои пылающие глаза в его и ответила:

– Завтра.

И на следующий день они свиделись, целый час после этого душа её была пьяна от возбуждения, пульс подскакивал в лихорадке, глаза были полны слёз.

– Зачем же Вы рассказали мне то сказание? – спросила она как во сне, запинаясь.

Это было раскаяние, упрек, или предчувствие?

Через несколько месяцев, осенью, тот же самый круг друзей собрался в замке Ачи. Двое влюблённых сумели скрыть своё волнение, или же муж смог скрыть свой гнев, а может быть, госпожа Олани так забрала всё его внимание. Они смотрели друг на друга, будто впервые, встречались, будто впервые, были веселы, или же всё лишь казалось таким, как впервые. Сколько пробегающего по щекам румянца, сколько блеска в глазах, ничего нового! Они устраивали всё те же прогулки, всё те же танцевальные вечера, катались на лодках и ездили верхом на ослах. Но у госпожи Матильды было небольшое препятствие – муж смотрел на неё ясным взором и требовал от неё вести себя благоразумнее...

И она ушла.

Обед прошёл так же весело, как и год назад. Они ели на траве, плясали на траве, бросали на траву бутылки, от чего из них выпрыгивали пробки, болтали о замке, об исторической памяти, о норманнах и сарацинах, о персиках, анчусах и рыцарских временах, опять возвращались к старому сказанию, которое Лучано начал рассказывать на том же самом месте, и рассказывали новые части и повороты. Вновь прибывшие жадно слушали, спокойно переваривая еду, запивая чудесным мускатом из Сиракузы.

7

Господин Гарция д'Арвело к пятидесяти годам неожиданно стал хозяином многочисленных земель, которые принадлежали баронству Трецца. В один прекрасный день или же плохой ночью барон нашёл своего очень худого племянника в овраге, когда тот пошёл на охоту, неизвестно, на какую дичь. Рыцарь д'Арвело, когда стал бароном, заставил повесить предварительно двух или трех обманщиков, за то, что те украли немного лучшей дичи в его доме. Такое грустное поведение считалось за честь среди многих господ. Затем он вскочил на лошадь, потому что ожидал, что господин ди Гревие оплатил таким проворным способом некоторые старые долги семьи. Он подождал его на некоем перекрестке, и не размышляя о возможных пересудах, поставил точку в этой игре.

Вполне довольный своими обязанностями в качестве д'Арвело и в качестве господина, он не давал себя обидеть. Спокойно восседал на баронском стуле, повесив шпагу на гвоздь своего предшественника, и, дабы утвердиться в роли хозяина держал в ежовых рукавицах всех чертей, которые только могли попасть в пределы судилища и привычек старого разбойника. Все, кто был на отпевании молодого барона, вполголоса читали молитвы, которые не были включены в него, однако не знали все подробности. Волк вместо волка, а пожилой предшественник молодого барона имел такие челюсти и такую ненасытность, что мёртвый волчонок превращался в ангелочка. Господин, младший сын важного семейства, натачивал клыки и пускал слюни на все блага господни, в которых купался его племянник. Глава дома и его хозяин, который несмотря на набеги всяческого рода, на которые брат, а затем и племянник закрывали глаза, будто бы был голодный в течение пятидесяти лет. Поэтому вполне понятно, что он мог насытиться сполна разнузданной властью. Он делал это подобно обжоре со страусиным желудком.

Впрочем, король, его второй хозяин после Бога, был далеко, а д'Арвело были прославленной семьёй, испанские дворяне, они никогда не склонялись ни перед королём, ни перед Господом. Они занимали различные должности при дворе, богатые и могущественные бароны, и заключили союз с Барбарески, чьи

псы всегда были гладко причёсаны. Господин Гарция пришёл ко двору, подрался с господином, который осмелился посмеяться над его косматыми усами и изношенными нашивками, и вставил ему три железных пальца в рёбра, отдал честь королю, который пригласил его к столу, а после качкавала⁴ и сушёного инжира он сказал королю, что так как в семье д'Арвело нет других наследников, было бы большим благоразумием, если бы господин Гарция и госпожа Кастилла поженились – она как раз ждала мужа в монастыре Монте Верджине. Господин Гарция, строго чтивший свою великую семью, женился на девушке, ему не пришлось уговаривать никого второй раз, но он и не видел её до того самого часа, когда повёл к алтарю, но после того, как он внимательно изучил бумаги семьи своей жены и все четыре четверти семейного герба, он усадил её в новую повозку для больных к проверенным военным людям, наёмным убийцам спереди, по бокам и сзади, сел на свою апулийскую лошадь и отвёз её в Треццу.

Вечером, по прибытию новобрачных, в замке, деревне и окрестностях наладили пышное освещение, колокол местной часовни звучал, пока не треснул, они плясали всю ночь на побережье, а вина из Боско и Террефорти, принесённого из погреба барона, он выпил целое море. Тем не менее, когда жена вошла в тёмную и печальную спальню, в глубине огромного алькова высилось, словно смертное, брачное ложе. Она не могла преодолеть чувство отвращения и страха и спросила мужа:

– Как же Вы, мой господин, будучи настолько богатым, спите в такой маленькой спальне?

Господин Гарция помнил, что он должен быть вежливым в свой звёздный час, и ответил:

– Это спальня прекрасна, пока Вы в ней, госпожа.

Но первый раз, когда госпожа Виоланте проснулась в этой безобразной спальне безобразного мужа, должно быть, её пробуждение показалось ей таким же безобразным. Но она была девушкой из хорошей семьи, воспитана в беспрекословном послушании, смелым в ней было только имя дома, в котором она находилась под опекой. Её вырвали из затишья монастыря, лишили спокойных радостей, блуждающих мечтаний, смущающей молодости, едва начатых повестей, она оказалась брошенной, хоть по её венам и текла королевская кровь. В алькове этого грубияна, который в доме носил берет барона, она потакала ему, потому что король, глава семьи, и законы их сословия вынуждали её повиноваться ему. Она задыхалась от отвращения, когда чёрные и мозолистые руки старика оказывались на её белых и гордых плечах – он ведь был её мужем. Нежная и любезная, она искала пыл любви, а её хорошие манеры только под-

⁴ Разновидность сыра

слащивали старого волка, который рычал рядом и показывал ей острые зубы, когда хотел казаться приветливым. Но это был не тот волк, которого святая вода супружества заставляет сменить масть, он имел все грехи, какие только могут встретиться у наёмного воина, все отличительные непристойности. Сверх того, к сожалению, госпожа Виоланте за два года замужества так и не заслужила и мизинца барончика, между ними не было и намёка на взаимопонимание, она не могла понять причин того, что господин Гарция держит в своём доме тоску и расходы своей жены.

Жена очень изящная, вялая, с бледными руками, говорила низким голосом, краснела при исполнении каждой весёлой песенки и при каждом душевном восклицании, которое вырывалось у господина, когда он бывал в хорошем настроении, но не знал, как заправить его любимую подливку, или когда у него спрашивали про наследника, это вызывало такой же ответ, как и дорогая игрушка, на которой держался ключ, словно это фамильный алмаз. Он далёкий оттого, чтобы бросить свои привычки наёмника, оставался таким же весёлым, не принимая в расчёт всю боль, которую испытывала его жена. Она, будучи очень боязливой, тряслась от ужаса, когда он в ярости орал по каким-нибудь пустякам, чтобы выставить её глупой. Он охотился, пьянствовал, бегал по крыше и ломал забор, катаясь на лошади, а когда возвращался пьяный и в дурном настроении, горе мухе, если она позволила себе пожужжать!

Последний побег господина Гарции окончился таким скандалом, что он задел за живое безропотную жертву. Гордость дворянина, любовь к другой женщине, его ревность к жене, наконец, так возмутили госпожу Виоланте, что она сказала ему впервые с таким деланным видом:

– Мой господин, сказала она ему дрожащим голосом, но не опуская глаза от хмурого мужа. – Отправьте меня обратно в монастырь, раз по Вашей оценке я стала сильно испорченной.

– Что Вы хотите сказать этим? – пробормотал господин Гарция. – И кто Вам сказал, что Вы испорченная?

– Ну что ж, кого Вы уважаете ещё меньше, если позволяете себе опускаться до Мены?

Барон застыл на месте и начал дрожать, словно дюжина кладбищ, которые трясут его замок под фундаментом, но начал насмехаться ещё сильнее:

– С каких пор, госпожа, в замке Трецца каждой курице позволено показывать свой гребень? Позаботьтесь о высиживании яиц для барона поскорее, это Ваша обязанность, а меня оставьте воспевать заутрени и повечерия так, как мне нравится.

Баронесса на следующее утро поднялась бледная и больная, но глаза её сверкали необычным блеском, она казалась смиренной, но смирение это было

угрюмым, задумчивым и напоминало предвкушение мятежа и мести. Муж же был грубым и жёстким, он удивился такой озадаченности и странности госпожи, когда она положила голову на ту же подушку, ни одна мышца на её лице не двигалась, он хотел показать ей, что прощает её непокорную выходку и подарил ей пьяный поцелуй. Она не оттолкнула его, не сделала ни одного движения, глаза её оставались закрытыми, губы бесцветными и сжатыми, щёки – бледными в тени длинной бахромы её ресниц. Лишь слеза на миг показалась за этими ресницами и медленно покатилась вниз.

8

Однажды поздно вечером барона всё ещё не было в замке, луна отражалась в стекле высокого резного окна, море негромко завывало. Баронесса весь вечер сидела на своём кресле с подлокотниками, подборок она положила на руки, мечтательная и задумчивая. Коррадо, красивый слуга барона д'Арвело, уже второй раз бесполезно спрашивал её, не прикажет ли она ему сесть на лошадь и отправиться по следу господина.

Наконец, госпожа Виоланте устремила свой взгляд на него. Он был красивый юноша, Коррадо, с глазами чёрными и бархатистыми, со щеками смуглыми и свежими, как у прелестной девушки из Треццы, такой робкий, с золотистыми щеками, которые багровеют, достаточно лишь взглянуть на них госпоже. Она, задумавшись, долго не смотрела на него.

– Нет! – сказала потом она. – Зачем?

Она поднялась, открыла окно и прислонилась локтями к подлокотнику. Море было гладким и блестящим, рыбаки были разбросаны по берегу, некоторые собрались в кучку перед своей лачугой. Где-то впереди тянулся тёмный простор, временами она слышали однообразную восточную песню. Волны погибали, словно дыхание, у подножия наружной стены. На миг вздымалась пена, порывы ветра переносили терпкий запах моря, тоже волнистый. Баронесса стояла и рассеянно созерцала всё это и удивлялась самой себе – ей казалось, будто она высоко, в позолоченной, очень богатой, комнате – и слушала с необычайным интересом тихие разговоры тех людей, что были у подножья башни. Затем она увидела чёрную глубину в проёме двери бедняков, там горел очаг, дым медленно струился через крышу. Наконец, она обернулась, удивилась, что слуга всё ещё стоит у двери в ожидании приказов, снова посмотрела на побережье, на море, на окоём, где играли краски, а тень от скал находила на волны. Она вновь посмотрела на Коррадо, теперь её взгляд задержался. На мгновение покраснев от собственной рассеянности, она спросила небрежно:

– Который час, Коррадо?

– Два часа ночи, госпожа.

– Ах!

Её ресницы наморщились, на миг она опустила глаза и с такой невыразимой горечью сказала:

– Барон сегодня очень задерживается!..

– Не бойтесь, госпожа, местность спокойная, вечер прекрасен, на небе ни тучи.

– Верно! – сказала она со странной улыбкой. – Это вечер влюблённых!

Затем она посмотрела на юношу хозяйским взглядом, не думая о том, какое впечатление она производит.

Она отошла от окна и села в гербовое кресло, рядом находился слуга, не грустный, не задумчивый, но тревожный, возбуждённый и нервный.

– Ты знаешь Мену? – вдруг резко спросила она.

– Мельничиху с мыса Молини?

– Да, мельничиху с мыса Молини! – ответила она со странной улыбкой.

– Я знаю её, госпожа.

– Я тоже! – воскликнула она сипло. – Меня познакомил с ней мой муж!

Для гордой хозяйки замка Коррадо был не просто одним из слуг, юноша носил её вышитый герб на бархатном полукафтани, который выглядел очень изящно, и имел причёску в виде кольца в честь дома. Она разговаривала с ним, как сама с собой, он был её отзвуком, потому как сердце её было тяжело, потому как горечь не уходила через слёзы. У неё был один вопрос, и она задала его, уткнувшись глазами в пол.

– Наверно, ты тоже любовник Мены?

– Я, госпожа?

– Да, все с ума сходят от этой мельничихи!

– Я бедный слуга, госпожа!..

Она хмуро взглянула на него, но мало-помалу брови её выпрямились.

– Бедный или нет, но ты красивый слуга. Или ты не знаешь этого?

Их глаза на миг встретились, но тут же разошлись. Если бы тревога юноши побудила его к другим словам, всё бы сразу и закончилось, гордость хозяйки поднялась бы выше удали слуги, и сердце госпожи закрылось бы навсегда. Но юноша вздохнул и ответил, опустив глаза:

– Увы, госпожа!

Этот вздох был очень привлекателен.

Тысяча новых чувств, неистовых и смущающих, наполняли душу баронессы, как облака заполняют небо в день, когда море накрывает гроза. Она всё же чистая, надменная, она опускается с высот хозяйских, королевских, кастильских, она теперь была не выше этого наивного и очаровательного юноши с ры-

царским сердцем под хозяйской одеждой. Как отличался от него тот грубый, жестокий, неотёсанный сельский человек, ставший бароном, которому её отдали, который лишь очернял её красоту, который обувал сабо и тащил на своей спине мешки с мукой! Горячие слёзы покатались из её глаз, она вытерла их спешно чем-то ещё более горячим, дабы скрыть свой секрет. Все её внутренние стремления казались ей голосами и словами, будто она кричит всеми своими членами и порами, а слуга впервые осмелился остановить взгляд надолго на своей блистательной повелительнице, которая в своей безумной тайне начала бредить. Голубые глаза его были очень красивы, полны каким-то необычным светом.

– Коррадо! – воскликнула она неожиданно сипло и прерывисто, будто потеряла голову. – Ты знаешь её... Ты же мужчина... Расскажи мне об этой мельничихе... Она красива... Она красивее меня... Скажи мне всё! Не бойся...

Юноша зачарованно посмотрел на госпожу, огорчённую дрожащую, ревнивую, покрасневшую от стыда и обиды, но достаточно красивую, чтобы проклинать даже ангела. Он побледнел и ничего не ответил. Затем дрожащим голосом, с крепко сжатыми руками, с такой силой, что задрожала и подскочила госпожа, он крикнул:

– Имейте же сострадание ко мне, госпожа!

Она очень печально повернулась к нему, но не посмотрела на него, и быстрым шагом, почти бегом, отошла от него, облокотилась на подоконник и жадно вдохнула свежий ночной ветерок. Пробыло четыре часа. Не было видно ни одного светильника, не было слышно ни одного голоса. Что же происходило в этой раздираемой душе? Никто не мог сказать этого, а она тем более, эти мысли кружили ей голову, устраивали бурю, это была целая радуга чувств. Вдруг она резко обернулась к нему:

– Послушай, – сказала она. – Это ты виноват! Слуга или нет, бедный или нет, ты красивый и молодой, ты можешь вскружить голову. Ты виноват в том, что ты не любовник Мены. Твой хозяин, старый и жестокий, он любит её... Любовь – это молодость, красота, наслаждение. Не могу поверить. Мой муж разоблачён. Не молодой, не красивый, не учтивый. Я отдалась ему. А я была красива, клянусь тебе, я была красива тогда, нежна, всем улыбалась, с трепетным и беспокойным сердцем, когда он ласкал меня своими грубыми руками. В монастыре я постоянно мечтала, что первые ласки будут идти от рук чистых и нежных, которые будут кланяться мне, а мои девственные губы содрогнулись бы от первого прикосновения с губами, которые бы улыбались мне, оттеняли бы золотые усики напротив исповедальни. Но всё вышло по-другому, мои губы встречаются с косматыми губами барона д'Арвелло... Он был красив, как ты, светловолос, как ты, молод, как ты. Он украл мою красоту, мою молодость, мой

первый поцелуй, который я ему пообещала с первого же взгляда, моё сердце, которое теперь стало его. Я отдала всё это человеку, который честно приказал сделать это. Теперь ты понимаешь, я так же бедна, как и ты, я потеряла своё благородное имя и отдала ему даже его, я сражаюсь со своими мечтами, со своим отвращением и порывами моего сердца. Теперь этот человек, которому я пожертвовала всем этим, который похитил у меня всё это, этот вор, вероломный всадник, мой подлый муж, он смешал мой девственный поцелуй с поцелуем этой блудницы... Ты не знаешь, не можешь знать, какой позор всё это навлекло на мою благопристойную душу... Но клянусь святой Розалией, что я отомщу таким же способом, нанесу ему такую же обиду, которая закроет весь стыд, которого недостаточно, чтобы отмыть всю кровь, что течёт по его и моим венам... Я ещё молода, достаточно молода, чтобы любить... Клянусь тебе!.. Давай? Ну скажи! Давай?

Он весь задрожал. Она решительно схватила его голову, глаза её были пылкие, но печальные, она крепко и нежно поцеловала его.

9

Госпожа Виоланте так и не сомкнула глаз той ночью. Она положила локоть на подушку, устремив невыразимый, неподвижный, неумолимый взгляд на своего мужа, который мирно спал подле неё, его пьяное дыхание отдавало ей в лицо, он с лёгкостью бы задавил её своей железной хваткой. На следующий день, с горящими щеками от лихорадки и судорожной улыбкой, она сказала ему:

— Вам не кажется, что сейчас самое время, чтобы подыскать другого слугу, господин Гарция?

— Почему?

— Коррадо уже не мальчик, а Вы часто оставляете его прислуживать Вашей жене, он мог бы сильно сблизиться с ней, ничего не разболтав Вашим врагам.

Барон нахмурил брови и ответил:

— Друзья и враги знают меня достаточно, ни такие дела, ни такие сплетни невозможны.

В глазах госпожи сверкнула дьявольская улыбка.

— И потом, — продолжал господин Гарция. — Я достаточно уважаю Вас, чтобы бояться за Вас, такую благородную и гордую, Вы не опуститесь до слуги.

Он нежно обнял рукой её шею и приблизился своими губами к её губам. Она, бледная, как статуя, поцеловала его с необычайным чувством.

Тем не менее, вопреки баронской надменности и уверенности в своей мощи, господин Гарция был старым грешником и больше не мог спать спокойно, будто блоха поселилась у него в ухе. Он сказал Коррадо:

– Не робей, красавец, – сказал он ему. – Вот тебе кошелек с деньгами, отправляйся в путешествие, это два отзыва о тебе. Поищи удачи в другом месте.

Юноша был ошеломлён и не мог дожидаться, когда же начнётся прощание, он боялся, что его ужасную тайну кто-нибудь узнает. Он дрожал, но не за себя, а за ту, которую он видел в ночных снах с такими пылкими глазами, и восторженно и испуганно сказал:

– По крайней мере, мой господин, – мямлил он. – Пожалуйста, скажите мне, почему Вы меня прогоняете!

– Потому что ты уже в том возрасте, когда нужно зарабатывать хлеб своими руками, а не бренчанием на гитаре. Это время, чтобы задуматься о том, что военные доспехи лучше, чем бархатная одежда.

– Но, мой господин, оставьте меня у себя, пощадите, я ведь не доставляю Вам хлопот, моё место здесь.

Барон почесал нос, как делал всякий раз, когда у него возникало желание отвесить кому-нибудь оплеуху.

– Вон! – сказал он с таким выражением лица, при котором сказанное не нужно повторять дважды. – Я поднял тебя на ноги, негодяй, на этом твоя служба закончена. Если завтра вечером я найду тебя в замке, ты выйдешь, но уже не через дверь.

Бедный слуга совсем потерял голову, он начал бояться, что попадётся на глаза барону, и изо всех сил пытался найти госпожу, которая осветила его жизнь, хоть и на миг, которую он полюбил больше, чем жизнь. Но баронесса избегала его, как будто хотела убежать от самой себя или от своих воспоминаний. Все самые нелепые замыслы и страхи сжимали бредовую голову юного влюблённого, он начал думать, что жизнь госпожи Виоланте в опасности из-за барона, он решил сделать всё возможное, чтобы спасти её. Наконец, он забрался на навес, под которым она проходила, бесстрастная, спокойная, проницательная, и прошептал вполголоса:

– Если моя кровь может принести хоть какую-то пользу, возьмите её, госпожа.

Она не обернулась, не ответила, и прошла дальше. Он же был поражён, словно молнией.

Вечер, когда Коррадо должен был удалиться из замка, неумолимо приближался, но он уже не помнил зловещих угроз господина, которых тот никогда не говорил понапрасну. Он был без ума от любви, он заплатил бы головой за четверть часа беседы со своей госпожой. Барон уже готовился спать, как это он делал каждый вечер, как только приходил в замок. Коррадо искал миг для последнего объяснения, последнего прощания с баронессой. Когда стемнело, он незаметно прошёл на балкон и сумел добраться до окна госпожи Виоланте.

Господин Гарция сидел у окна и ужинал. Жена сидела рядом, подбородком она упиралась на руки и пристально смотрела с каменным лицом. Внезапно, какое-то предчувствие, какие-то чудные чары, какой-то лёгкий шум заставили юношу прислонить лицо к стеклу, она вздрогнула, живо подняла голову, их глаза встретились, будто два электрических потока.

– Что с Вами? – спросил барон.

– Ничего, – сказала она, бледная и бесстрастная, как изваяние.

Барон повернулся к окну:

– Что там за шум?

Госпожа Виоланте позвала горничную и попросила плотно закрыть окно. Она была холодна и тверда, как мраморное изваяние.

– Наверно, ветер, – добавила она. – Да и окно плохо затворено.

Коррадо едва успел спрятаться вдоль стены. Барон постоянно поворачивал голову, чтобы украдкой с каким-то странным выражением взглянуть на жену. Очень странным выражением – он был трезв!

– Не хотите глоток? – спросил он, поворачиваясь к вину.

Она не посмела отказать, медленно подняла бокал и услышала, как её зубы два или три раза закрипели от сильного ветра.

Затем она задумалась в тревожной лихорадке, бросила в разные стороны беспокойные взгляды.

– Вам нужно позаботиться о поиске другого слуги, сегодня Коррадо уезжает, – сказал барон, остановив свой взгляд на ней.

Госпожа Виоланте не ответила, но подняла глаза к нему, они посмотрели друг на друга. Барон выпил ещё один стакан муската и поднялся, чтобы сделать обход перед сном.

Когда госпожа осталась одна, она лихо поднялась, будто на пружине, прошла по комнате, возбуждённая и трясущаяся. Когда она проходила мимо окна, она бросала на него беглый, но увлечённый взгляд. Внезапно она решительно двинулась к нему и открыла.

Они встретились лицом к лицу и молча смотрели друг на друга.

– Что ты здесь делаешь? – спросила дрожащим голосом госпожа Виоланте.

– Я пришёл умереть, – спокойно ответил слуга.

– Ах! – воскликнула она с горькой улыбкой. – Ты знаешь, что это я тебя выгнала?

– Вы?

– Я!

– Почему Вы выгнали меня?

– Поскольку я не могла выгнать саму себя, а у меня не хватает смелости убить себя после такой мести.

– Что я Вам сделал? – воскликнул он со слезами на глазах.

– Что ты мне сделал?.. – ответила госпожа, выпучив глаза. – Что ты мне сделал?.. Ладно, что тебе ещё надо? Зачем ты пришёл?

– Я пришёл, чтобы сказать Вам, что люблю Вас! – сказал он без пыла и без горечи.

– Ты! – крикнула баронесса, скрывая лицо за руками.

– Простите меня за это, госпожа! – продолжал слуга, грустно улыбаясь. – Это любовь, за которую приходится так горько платить.

– Нет! – сказала она, как в бреду. – Я не хочу, чтобы ты умирал, но я не люблю тебя, и не хочу видеть тебя больше!.. Нет! Нет! Уходи!

Он покорно опустил голову.

– Я уйду? Уже поздно, подъёмный мост уже натянули, а барон сказал мне, что я не должен здесь находиться этим вечером. Я подвергаюсь большой опасности из-за того, что вижу Вас сейчас в последний раз, вижу такую красоту перед собой, я очень дорого заплатил за то, что имею возможность сейчас Вам всё сказать.

– Ладно! – ответила госпожа Виоланте, такая же бледная и трясущаяся, как и он. – Я тоже заплачу за свою ошибку... Так будет честно!

В этот миг они слышали шаги барона, который с кем-то возвращался.

– Что ж! – воскликнула баронесса судорожно. – Я люблю тебя, я твоя, умрём же!

Она обхватила руками его шею и горячо впиалась в его губы. Они услышали, как господин Гарция говорит Смуглому:

– Иди на балкон и оставайся на страже с той стороны.

Коррадо вырвался из объятий смерти с такой силой оттолкнувшись, что её хватило бы, чтобы выпрыгнуть из окна, которое, на его счастье, было закрыто, и решительно сжал её руки:

– Нет! Нет же! Помните меня, Виоланте, и не бойтесь за меня. Бедный слуга знает, что значит умереть достойно.

И пока они слышали, как барон открывает дверь, а Смуглый подходит к балкону с другой стороны, он бросился к проходу в алькове и выбежал через лаз.

Господин Гарция быстрым шагом вошёл, даже не глядя на жену, которая была похожа на труп, посмотрел на закрытое окно, молча вошёл в проход.

Она ничего не слышала. Чуть позже д'Арвело вернулся, спокойный и невозмутимый, как обычно.

– Всё в порядке, сказал он. – Пойдёмте спать, госпожа.

11

Ночь выдалась грозовой, ветер выл человеческим голосом, волны терзали скалу с таким звуком, что казалось, будто кто-то стонет и задыхается в агонии. Барон спал.

Она смотрела, как он спал, неподвижная, обессиленная, почти умирающая от тревоги, она чувствовала бурю внутри себя, боялась пошевелиться, дабы не разбудить его. Глаза её были печальны, губы полуоткрыты, сердце сильно билось в груди, ей казалось, она слышит, как бежит по её венам кровь. Она терпела свет, изнеможение, неясные порывы, головокружение душило её, какое-то яростное искушение, крики давили на её горло, сглаз леденил её, ужас подталкивал к безумию. Иногда ей казалось, что ниша опускается и душит её, а волны вздымаются и переливаются через окно, ставни под чьим-то натиском распахиваются, и рука хватает что-то, а мычание моря превосходит предсмертные стоны, завывание ветра проникает в её кости с какими-то странными словами, которые она понимает, которые рассказывают о каких-то тайнах, выправляют ей волосы на голове, она рассматривает глаза спящего мужа, глаза во впалых и тёмных глазницах, и ей кажется, что они смотрят на неё сквозь закрытые веки. Вот какие страсти расстраивали её рассудок. Всё больше и больше выходило холодного пота, который мочил её лицо, но поддерживал волосы, которые сильно растрепались на голове, будто они жили отдельно от хозяйки. Когда буря стихла, она почувствовала ещё больший ужас, и спрятала голову под одеяло, чтобы больше не слышать ничего ужасного. Внезапно звук, который, как ей казалось, она слышала в шуме буре, то лихорадочное завывание, видение или же действительность, стало ещё чище и яснее. Она издала крик, совсем не похожий на человеческий и выскочила из кровати.

Барон сразу же проснулся, различил, как белый образ бежит к окну, он погнался за ним, выбежал на балкон, но больше ничего не видел. Буря зашумела, как и раньше.

В пропасти он нашёл платок, мокрый от пота нечеловеческих страданий.

Сказание заняло всех, даже тех, кто его уже знал и тех, кто рассказывал его недавно пришедшим вместе со сказанием о призраках, обитающих в замке. Наступил вечер, время и рассказ помогли путникам приспособиться здесь. Лучано и госпожа Матильда побледнели, когда во время рассказа появился некто.

– Берегитесь! – прошептал он. – Ваш муж за Вами наблюдает!

Она покраснела, затем побледнела, посмотрела на тёмное море и встала снова. Она посмотрела на старые обваленные лестницы, и швы внизу казались совсем тёмными. Большая плита служила подъёмным мостом в страшной бездне, которая начиналась от скалы. Сейчас это был опасный переход. Очень осторожно они делали каждый шаг и предлагали послать в деревню за светом.

– Вы боитесь? – воскликнул господин Джордано с насмешливой улыбкой.

Он отважно ступил на узенький мост. Его жена спокойно следила за ним, немного бледная, Лучано крепко держал её руку.

В этот миг, в 150 метрах от пропасти, рядом с её мужем, в котором вызвало подозрение это сжатие руки, эта кража, из тьмы вышло нечто сверхъестественное. Другой увидел бы там просто тень, догадался бы, списал бы всё на это... Он обернулся и позвал её по имени. Она услышала крик, жуткий крик, пошатнулась, схватила руку, которую только что бросила, чтобы помочь себе, и они вдвоём упали в пропасть.

Говорят, в Трецце во время сильных бурь опять слышат крики и видят призраки на обломках замка.